

Что такое Тмутаракань?

Многимъ можетъ показаться, пожалуй, страннымъ такой вопросъ, послѣ того какъ столько уже было писано о Тмутаракани. Она считается уже настолько общепризнанной, что внесена въ историческіе учебники, и даже по временамъ появляется въ современной литературѣ; но при такой, повидному, общепризнанности Тмутаракани, ученые однако же какъ будто не совсѣмъ довѣряютъ этой общепризнанности и постоянно возвращаются къ вопросу: да гдѣ же находился этотъ полуисторическій, полумифическій древній городъ Тмутаракань, отъ котораго нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ не сохранилось, и откуда взялось такое какъ-то курьезно звучащее самое наименованіе его? Но что всего любопытнѣе, такъ это бесплодность результатовъ изысканій всѣхъ этихъ ученыхъ, начиная съ гр. Мусина-Пушкина, даже, пожалуй, и ранѣе его, до А. А. Спицына включительно. Послѣдній, коснувшись этимологіи имени «Тмутаракань» какъ-то меланхолически заканчиваетъ свое позднѣйшее изслѣдованіе «Тмутараканскій камень», говоря: «Какъ бы то ни было, Тмутаракань Таманская представляетъ пока полную загадку»¹⁾.

Кромѣ такой безнадежности окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстонахожденіи Тмутаракани, звучащей въ заключительныхъ выводахъ всѣхъ изслѣдованій о ней, бросается еще одна общая всѣмъ имъ черта, а именно та, что всѣ они, занимаясь вопросомъ о томъ, гдѣ находилась эта загадочная Тмутаракань, занимаются еще и вопросомъ о томъ, какое могло точно быть этимологическое происхожденіе самаго имени «Тмутаракань», но никто не задавался вопросомъ о томъ, да

---

1) Записки Отд. Рус. и Слав. археологіи Имп. Рус. Археол. Общества, т. XI, стр. 132.

что такое была эта Тмутаракань, вопросомъ, который поставленъ въ заглавіи настоящей монографіи. И этотъ вопросъ совершенно не праздный, чтобы имъ не стоило заниматься: надо только посмотрѣть на Тмутаракань съ иной точки зрѣнія, отказавшись отъ взглядовъ всѣхъ прежнихъ изслѣдователей.

Но прежде чѣмъ высказать свои собственные на этотъ предметъ воззрѣнія, мнѣ бы хотѣлось сперва подвести итогъ всему тому, что уже было ранѣе по нему высказано сколько-нибудь вѣскаго и заслуживающаго вниманія. Я не стану повторять библиографіи предмета, которая уже сдѣлана А. А. Спицынымъ въ его вышеупомянутой статьѣ «Тмутараканскій камень»¹⁾. Я напередъ только скажу, что въ каждомъ изъ перечисленныхъ у А. А. Спицына изслѣдованій всегда почти заключается что-нибудь наводящее на правильный путь къ разумѣнію изслѣдуемаго предмета, высказывается какая-нибудь вѣроподобная догадка, но ни въ одномъ изъ нихъ не достигнуто окончательное рѣшеніе вопроса, что такое Тмутаракань, и откуда взялось это названіе. И надо правду сказать, что прежніе историки и археологи въ своихъ предположеніяхъ и заключеніяхъ подходили ближе къ истинѣ, нежели послѣдующіе, которые давали слишкомъ уже большой просторъ своимъ домысламъ, доведившимъ ихъ иногда почти что до абсурдовъ. Такъ, напримѣръ, еще Карамзинъ²⁾, а за нимъ Погдинъ³⁾ и Мурзакевичъ⁴⁾ простымъ чутьемъ догадывались, что Тмутаракань есть, притомъ даже не очень сильно видоизмѣненное, греческое *Ταματάρχα*. А г. Гаркави, спустя много времени послѣ нихъ, съ наивною самоувѣренностью изрекаетъ такой аподиктической приговоръ этой ихъ догадкѣ: «Тождество Таматархи и Матархи съ Тамиракою, предположенное Н. Н. Мурзакевичемъ лѣтъ тридцать (а теперь это будетъ болѣе семидесяти) тому назадъ, уже давно отвергнуто, а самое названіе Таматарха, Матарха (русская Тмутаракань) для нынѣшней Тамани, какъ компетентные ученые полагаютъ на основаніи источниковъ, произошло отъ искаженія Тюрками древняго имени Короковдама (*Κοροκοῦδάμῃ* Страбона и анонимнаго Перипла»⁵⁾. При

1) Ор. сіт., стр. 103—132.

2) Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, т. I, стр. 106, прим. 389.

3) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. Москва 1846, т. III, стр. 144—146.

4) Исторія геноузскихъ поселеній въ Крыму. Одесса 1837, стр. 40 и 44.

5) По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму. Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, т. 192, стр. 107.

этомъ Гаркави не называется тѣхъ, къмъ будто бы давно опровергнуто вышеозначенное предположеніе; ссылка же его насчетъ отождествленія Тмутаракани съ Корокондамою на Куника, Бруна и Герца неизвѣстно зачѣмъ привлекаетъ сихъ послѣднихъ къ соучаствію въ его ученомъ недоразумѣніи: у Бруна, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго нѣтъ въ цитованномъ у Гаркави мѣстѣ¹⁾. У Гаркави только одно проскользнуло вѣрно замѣчаніе—что названіе Таматарха (русская Тмутаракань) произошло отъ искаженія Турками. Но онъ умалчиваетъ тутъ, объ искаженіи какого же первообраза Турками, если само Таматарха, было въ употребленіи у византійскихъ грековъ, слѣдовательно, еще не пріемлется имъ за такой первообразъ: неужели же онъ этимъ первообразомъ считаетъ Страбонскую Корокондаму, ссылаясь на то, что будто бы сближеніе Тмутаракани съ Корокондамою дѣлаетъ не онъ одинъ, а и «компетентные ученые полагаютъ на основаніи источниковъ», а самъ точнѣе не указываетъ ни этихъ компетентныхъ ученыхъ, ни источниковъ. Столь же неприемлемо и предположеніе В. Г. Васильевскаго, что «не произошло ли названіе Тмутаракани отъ населявшихъ ее Тетракситовъ, или лучше: не ведутъ ли оба названія свое происхожденіе отъ одного общаго корня»²⁾. Ни то, ни другое. И. Н. Березинъ, коснувшись выраженія въ словѣ о Полку Игоревѣ «*дорискаше до Куръ Тмутораканя*», высказываетъ такое даже не предположеніе, а, какъ онъ самъ заявляетъ, заключеніе, что «слово *Куръ*, очевидно, есть монгольское становище, курень, а это ведетъ меня къ заключенію, что и самое названіе Тмуторокань можно искать въ монгольскомъ.... Названіе Тмуторокань составлено изъ *Тюмэтъ* и *ирэнъ*, народъ, что вмѣстѣ (*Тюметирэнъ*) означаетъ десятитысячника (тѣмы народу).... Впрочемъ, можно еще объяснять слово Тмутаракань сложнымъ изъ *тюмэтъ* (тѣма) и *Тарханъ*, вольный человѣкъ, дворянинъ».... Покойный профессоръ забылъ тутъ только одно—что Тмутаракань существовала слишкомъ задолго до появленія на сценѣ монголовъ, чтобы ихъ языкъ могъ послужить источникомъ образованія имени очень давно до нихъ извѣстной географической мѣстности³⁾.

Проф. В. И. Сергѣевичъ, — тотъ просто, безъ всякихъ оговорокъ,

1) Черноморье, Одесса 1880, т. II, стр. 130.

2) В. Г. Васильевскій, Труды, т. II, вып. 2, СПб. 1912, стр. 378.

3) Шейбаниада, Казань, 1879, стр. 30—31, пр. 36.

вѣрить въ существованіе Тмутараканскаго княжества, которое понадобилось ему для его юридическо-археологическихъ соображеній ¹⁾).

Мнѣ кажется, что раньше чѣмъ начинать съ предположенія искаженія въ имени Таматарха-Тмутаракань, правильнѣе будетъ поискать путей къ пониманію значенія этого термина въ его цѣлостномъ, первоначальномъ видѣ въ источникахъ того отдаленнаго времени, когда, надо полагать, послѣдовало образованіе этого термина и появленіе его на скрижаляхъ исторіи.

Имя Тмутаракани, говорятъ Карамзинъ, исчезаетъ изъ лѣтописей съ 1111 года, когда былъ совершенъ знаменитый по своей удачности походъ русскихъ князей на Половцевъ ²⁾. М. П. Погодинъ даетъ этому факту то толкованіе, что «Тмутаракань находилась гдѣ-либо очень далеко, въ такой сторонѣ, въ которую путь пресѣкъся. Имена всѣхъ городовъ Рязанскихъ, Черниговскихъ, велись и ведутся даже до сихъ поръ, а Тмутаракани нѣтъ и слѣдовъ» ³⁾, если, прибавимъ мы отъ себя, не принять во вниманіе неоднократное о ней упоминаніе въ «Словѣ о полку Игоревѣ», памятникѣ, наиболѣе все-таки близкомъ къ вышеупомянутой эпохѣ 1111 года. Значитъ, Тмутаракань была гдѣ-то далеко, но гдѣ, вотъ вопросъ. Надъ этимъ вопросомъ множество ученыхъ ломали головы, и все же до сихъ поръ ни на чемъ окончательно не согласились: самый послѣдній изъ нихъ, А. А. Спицынъ, и тотъ свою статью «Тмутараканскій камень» заканчиваетъ, какъ мы сказали, безнадежною фразою: «Какъ бы то ни было, Тмутаракань Таманская представляетъ пока полную загадку» ⁴⁾. Попытаемся разгадать эту загадку, если не сполна, то хоть отчасти.

Что значать вышеприведенныя слова А. А. Спицына: «Какъ бы то ни было, Тмутаракань Таманская»? А они значать, что эту столь давно исчезнувшую изъ лѣтописей Тмутаракань наши ученые всячески старались отыскать гдѣ-нибудь въ отдаленномъ мѣстѣ, и больше всего въ ихъ поискахъ, замѣтимъ, совершенно естественно ихъ тянуло къ Тамани. Но были въ числѣ ихъ и такіе, какъ Свиньинъ, которые находили, что «мѣсто Тмутараканскаго царства въ Тамани несообразно

1) Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности. Т. I. СПб. 1890, стр. 44.

2) Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, II, 84.

3) Погодинъ, Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. Москва 1846, т. III, 145.

4) Записки Отд. Рус. и Слав. Археологіи Имп. Рус. Археол. Общества, т. XI. Петроградъ 1915, стр. 132.

ни съ мѣстнымъ положеніемъ сего края, ни съ правдоподобіемъ»¹⁾; иные же, какъ Арцыбашевъ, пытались искать Тмутаракань между устьемъ Днѣпра и Перекопомъ²⁾; третьи, какъ Спасскій, заходили въ своихъ поискахъ даже куда-то въ Черниговщину. Но важно замѣтить, что Спасскій производилъ слово «Тмутаракань» отъ «Тьма торковъ»³⁾. Бутковъ, защищая неподдѣльность Тмутараканскаго камня, насчетъ самой Тмутаракани высказался не особенно рѣшительно и опредѣленно, въ такомъ родѣ: «Ласкаюсь надеждою, что кто повѣрилъ прежде сомнѣніямъ о Тмутаракани, тотъ очиститъ совѣсть свою отъ такого грѣха»⁴⁾. Наконецъ въ новѣйшее время А. А. Спицынъ, «разсуждая о судьбахъ Тмутаракани», какъ говоритъ онъ, «усумнился въ томъ, что она располагалась на Тамани, и усмотрѣлъ для нея болѣе удобнос мѣсто — при устьѣ Дона, гдѣ арабами указывается городъ Росія»⁵⁾. Несмотря на вѣскія возраженія А. И. Соболевскаго, онъ такъ и остался при своемъ мнѣніи, тщетно выжидая «дальнѣйшихъ событій» и, не дождавшись таковыхъ, самъ принялся за обстоятельный пересмотръ вопроса о Тмутараканскомъ камнѣ. Его поражаетъ на камнѣ надпись «безцѣльностью содержанія», хотя А. И. Соболевскій довольно основательно замѣтилъ ему, что «безцѣльность есть дѣло условное», на что А. А. Спицынъ съ своей стороны опять-таки возражаетъ: «Но вѣдь надпись изготовлена для потомковъ; къ чему было записывать то, въ смыслъ чего мы никакъ не можемъ проникнуть?»⁶⁾. Но эта отмѣтка кратчайшей переправы черезъ проливъ могла быть изготовлена и не для потомковъ, а для какихъ-нибудь собственныхъ надобностей тѣхъ, кто ее изготовлялъ, такъ что, слѣдовательно, изготовлявшему мало было дѣла до того, могутъ или нѣтъ потомки въ томъ числѣ, пожалуй, и мы, проникнуть въ смыслъ его записи: вѣдь самъ А. А. Спицынъ однако же приводитъ цѣлый рядъ лицъ, которые занимались измѣреніемъ разстоянія между Таманью и Керчью, начиная съ Константина Багрянороднаго⁷⁾. Какъ бы то ни было, всѣ его домыслы объ измѣреніи сводятся «въ

---

1) Цитов. у Спицына. стр. 110 и 111.

2) Спицынъ, стр. 111.

3) Спицынъ, стр. 112.

4) Стр. 113.

5) Ibidem.

6) Op. cit., 119—120.

7) Стр. 121.

пользу подлинности камня»¹⁾. По затѣмъ онъ наталкивается на другой важный въ данномъ случаѣ вопросъ, на вопросъ о существованіи Корчева, и категорически заявляетъ: «Нѣтъ никакого основанія думать, что въ XI в. Керчи не существовало. Равнымъ образомъ невозможно доказать, что это селеніе не называлось порусски Корчевомъ»²⁾. II затѣмъ даетъ обширный подборъ справокъ изъ старинныхъ источниковъ въ доказательство высказаннаго имъ положенія. Всѣ приведенныя имъ справки однако же содержатъ лишь звукосочетанія, въ которыхъ, пожалуй, можно усматривать подобіе имени Керчи или затѣмъ Корчева, но въдѣ слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что въ однихъ источникахъ подѣ этимъ именемъ разумѣется неизвѣстно что, въ другихъ — море; въ третьихъ — область; въ четвертыхъ — бухта, и въ пятыхъ, наконецъ, селеніе. Къ послѣднимъ присоединяется и А. А. Спицынъ, хотя въ заключеніе онъ не могъ не призадуматься надъ тѣмъ фактомъ, что «великоруссамъ былъ неизвѣстенъ этотъ городъ («Корчевъ»), не была ясна его этимологія... и дѣло будущаго установить дѣйствительную исторію слова «Корчевъ», а пока ясно, что ни за, ни противъ этой формы нельзя стоять»³⁾. Значить, онъ самъ не беретъ на себя задачи установить эту исторію, хотя въ главѣ статьи своей о филологическихъ особенностяхъ надписи на Тмутараканскомъ камнѣ онъ не могъ не упомянуть чужихъ филологическихъ домысловъ касательно Тмутаракани и Корчева, а самъ не отозвался ни своимъ согласіемъ ни несогласіемъ съ этими домыслами, которые я считаю необходимымъ повторить здѣсь въ виду послѣдующихъ собственныхъ соображеній. «Спасскій желаетъ видѣть форму начертанія Тьмута-таракана, высказывая, что это, вѣроятно, русское названіе изъ тьма, потому что греческое и татарское названія города иныя. Востоковъ нашелъ болѣе удобнымъ производить имя города отъ «Таманъ-торханъ» и замѣтилъ, что ѣ въ этомъ словѣ написано именно для того, чтобы его не произносили со смягченіемъ. По Буткову имя города идетъ отъ «Томанъ-торханъ», какъ и греческое Томатарха»⁴⁾.

Безплодность толкованій и Спасскаго, и Востокова, и Буткова очевидна, такъ какъ они ничего всущности не истолковываютъ — ни

---

1) Ibidem.

2) Стр. 123.

3) Стр. 125.

4) Op. cit., стр. 127.

этимологіи имени, ни какого-либо фактического значенія этого имени. Самое же неудачное изъ всѣхъ этихъ толкованій — это Буткова, по которому, какъ мы видѣли, выходятъ, что будто бы даже греческое Таматарха произошло изъ какого-то «Томанъ-торханъ».

А. А. Спицынъ, еще разъ верпувшись къ доказательству подлинности Тмутараканской надписи на основаніи палеографическихъ аналогій съ характеромъ византійскихъ надписей, высказываетъ рядъ положеній, любопытныхъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ обнаруживается у него борьба инстинктивнаго приближенія къ правильному методу рѣшенія поставленнаго имъ себѣ вопроса съ искушеніемъ взять новое направленіе на пути къ этому рѣшенію, откуда у него получаются лишь недоумѣнія. Сперва онъ говоритъ, что «самъ по себѣ камень не стоитъ того, чтобы изъ-за него такъ волноваться и употреблять такія усилія для его критики»; а между тѣмъ самъ же употребилъ не мало такихъ усилій, и, скажемъ отъ себя, совершенно не напрасныхъ усилій, потому что нельзя не согласиться съ тѣмъ, что и онъ дальше утверждаетъ насчетъ камня, а именно: «важно то, что онъ (камень) является единственнымъ показателемъ мѣстоположенія одного изъ русскихъ княжествъ». Но это ему не помѣшало сейчасъ же и категорически заявить: «Тмутаракань на устьѣ Дона понятна. Это гавань для Кіева и, можетъ быть, для Мурома»¹⁾, совершенно игнорируя имъ же самымъ только что установленный фактъ, что камень-то открытъ не на устьѣ Дона, а совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Къ такому, можно сказать, самопротиворѣчію его увлекло, Богъ вѣсть почему, показаніе арабовъ, что «на устьѣ Дона опредѣленно извѣстенъ городъ «Росія»²⁾. Откуда взялась эта опредѣленность? Мнѣ кажется, вѣрнѣе полагать, что арабы смѣшали тутъ имя народа или страны съ городомъ. Да если бы и существовалъ такой порожденный арабскою фантазією городъ «Русія», то что же въ этомъ послѣднемъ имени сходнаго съ такимъ длиннымъ словомъ какъ «Тмутаракань», чтобы позволительно было отождествлять ихъ?

И при этомъ случаѣ считаю умѣстнымъ обратить вниманіе на ту ученую настойчивость, съ которою питаютъ какое-то благоговѣйное довѣріе къ сказаніямъ арабскихъ писателей и даже къ арабскимъ начертаніямъ въ ихъ произведеніяхъ, забывая, а иные не подозревая, что эти начертанія при малѣйшемъ неосторожномъ и безсознательномъ

1) Стр. 131.

2) Op. cit., 113 и 131.

перемѣщеніи діакритическихъ точекъ переписчиками способны породить чудовищныя нелѣпости. Къ такимъ нелѣпостямъ, напримѣръ, слѣдуетъ отнести начертаніе *بنطس*, географическаго имени, которое даже такіе толковые ученые арабисты, какъ Френъ, прочитали *نيطس*-Нитось¹⁾. За нимъ повторилъ это искаженіе Барбье-де-Мейнардъ²⁾ и даже, страннымъ образомъ, повторилъ начисто и безъ всякихъ оговорокъ А. Я. Гаркави³⁾, хотя эта несообразность, помимо ея очевидности, стала совершенно поправима съ выходомъ въ свѣтъ географическаго словаря Якута, у котораго вполне вѣрно воспроизведено имя *بنطس*-Бонтось⁴⁾, т. е. греческое *Πέντος*, тогда какъ никакого ни Пнтоса, ни Найтаза никто нагдѣ не усматривалъ.

Мнѣ думается, что вопросъ о мѣстонахожденіи Тмутаракани можетъ быть рѣшенъ безъ особыхъ затрудненій, если только отказаться отъ той предвзятой мысли, что это былъ непремѣнно какой-то городъ, да еще городъ въ теперешнемъ позднѣйшемъ смыслѣ, на что и въ древнихъ источникахъ нѣтъ даже приблизительныхъ указаній. По однимъ изъ этихъ источниковъ былъ, пожалуй, городъ Тмутаракань, по другимъ же это было княжество Тмутараканское; а вѣдь это далеко не одно и то же: могъ существовать городъ, но при этомъ нѣтъ необходимости, чтобы непремѣнно существовало и соименное ему какое-то еще княжество, и наоборотъ: могло быть княжество, но безъ сомненнаго съ нимъ города. Аналогичныя явленія мы можемъ наблюдать даже въ настоящее время у насъ на Русь: сколько у насъ въ азіатскихъ окраинахъ такихъ отдѣльныхъ, не то географическихъ, не то, скорѣе, административныхъ, терминовъ какъ Закаспійская *область* или Тургайская *область*, какъ Туркестанскій *край*, или какъ Степное *генералъ-губернаторство*, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ, конечно, исконному отсутствію въ тѣхъ или другихъ территоріальныхъ границахъ какихъ-либо прочно установленныхъ исторією и жизнью осѣдлыхъ поселеній, которыя должны бы были или могли бы быть признаны центральными показательными пунктами, придающими, по

1) Fraehn. Ibn-Forzlan's und anderer Araber Berichte über die Russen. St.-Petersburg 1823, SS. 27, 28, 50, 184, 193, 234, 235, 242.

2) Maçoudi, Texte et traduction. Par C. Barbier-de-Meynard. Vol. IX. Index général, p. 220. Nitos (Mer) ou mer Noire I. 204, 260, 261, 263, 272. 287: II. 15—18. 19, 24, 25, 86, 46, 47, 58.

3) Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. СПб. 1870, стр. 149, 176.

4) Jacout's Geographisches Wörterbuch. B. VI. Register. Bd. I. 21, 499. 504. 746.

существо или только по имени какую-либо географическую или политическую окраску данной мѣстности, болѣе или менѣе обширной, но обитаемой если не сплошь, то въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ подвижнымъ населеніемъ. Я твердо убѣжденъ въ этомъ и въ примѣненіи къ древней Тмутаракани, надъ которой цѣлый сонмъ историковъ и археологовъ ломаютъ голову, тщетно доискиваясь того опредѣленнаго географическаго пункта, гдѣ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ находиться загадочный городъ, столь многократно упоминаемый въ древнихъ письменныхъ памятникахъ, но совершенно безслѣдно исчезнувшій съ лица земли, хотя ни въ какихъ лѣтописяхъ не отмѣчено никакого геологическаго или иного подобнаго физическаго переворота въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приблизительно надлежало бы существовать и оставить хоть какіе-нибудь слѣды своего существованія этому пропавшему безъ вѣсти городу. Такого чуда быть не могло. А, скажутъ, Бѣлая Вежа половцевъ, или даже Сарай монголо-татаръ? Они навѣрное существовали, а гдѣ? Еще отъ Сарая-то кое-что осталось похожее на бывшее человѣческое обиталище въ родѣ города, но Бѣлая Вежа такъ и сгинула, не оставивши никакихъ вещественныхъ слѣдовъ по себѣ.

Но такое, повидимому, загадочное и странное явленіе, какъ безслѣдное исчезновеніе цѣлыхъ городовъ въ южныхъ предѣлахъ нашего государства, перестанетъ быть таковымъ, когда мы хорошенько вникнемъ въ то, что такое были или могли быть эти города. Это были одиночныя крупныя строенія съ примыкавшими къ нимъ можетъ быть другими, второстепеннаго размѣра, постройками, тамъ, гдѣ было древо, деревянныя, обнесенныя деревянными же заборами, а больше всего, въ безлѣсныхъ, степныхъ пространствахъ южной Россіи, надо полагать, даже не каменныя, а просто глинобитныя, сырцовыя, какія можно еще понынѣ наблюдать, по свидѣтельству путешественниковъ, въ изобиліи въ предѣлахъ Кавказа, гдѣ попадаются не только сакли, но и огромныя, высокія жилищныя *бишни*, да еще, какъ, на примѣръ, въ Сваніи, непремѣнно окрашенныя въ *блѣтый* цвѣтъ. Такъ вотъ уже по самому свойству матеріала, изъ котораго строились эти всякія Бѣлыя Вежи, т. е., говоря попросту, безопасныя отъ вражескихъ внезапныхъ нападений дома-вышки, а также и по плавучему, подвижному характеру народностей, основывавшихъ такія центральныя, но все же временныя, становища, гдѣ они осѣдали на извѣстный періодъ своего кочевого скитанія, эти сооруженія, будучи покидаемы ихъ неосѣдлыми обитателями, конечно, должны были очень быстро разрушаться до

полнаго своего уничтоженія даже подъ дѣйствіемъ стихій — дождей и вѣтровъ, а силою и рядомъ отъ разрушительнаго приложенія чело-вѣческихъ рукъ со стороны вновь нахлынувшихъ ордъ, безпре-станно толкавшихъ одна другую въ разныхъ направленіяхъ широкаго степнаго простора ¹⁾. Что это дѣйствительно такъ происходило, для этого достаточно вспомнить судьбу Саркела, котораго хазаре, какъ позднѣе половцы, жившіе въ кибиткахъ, передвигавшихся на скрипучихъ арбахъ, столь лестно сравниваемыхъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» съ пѣвучими лебедями, сами не умѣли выстроить, а пригласили для этого досужихъ антрепренеровъ изъ византійскихъ грековъ, одинъ изъ коихъ подъ именемъ Петровы оставилъ даже письменную памятку о такомъ любопытномъ для своего времени фактѣ.

То же самое можно предполагать и касательно участи Тмутаракани. Да, было какое-то такое чело-вѣческое обиталище въ родѣ стороже-вого замка, называемаго у византійскихъ писателей *χάστρον*, а потомъ исчезло, оставивъ однако же по себѣ нѣкоторую память, хотя бы однимъ своимъ именемъ, и то лишь въ силу особенныхъ обстоятельствъ своего возникновенія и соединеннаго съ нимъ наименованія, въ чемъ принимали участіе не одни бродячіе народы въ родѣ хазаръ и другихъ турецкихъ племенъ, очень давно нахлынувшихъ въ предѣлы прежнихъ окраинныхъ владѣній Византійской имперіи, а и сами византійскіе греки. Къ этой мысли приводитъ насъ не что иное, какъ самое имя русской Тмутаракани въ его генеалогическомъ образованіи не изъ чего другого, какъ изъ греческаго же *Ταμὰτάρχα*, въ которомъ можно прослѣдить цѣлый рядъ постепенныхъ фазисовъ словесной кристаллизаціи, въ связи съ усматриваемыми въ древнихъ письменныхъ памятникахъ историческими явленіями, имѣвшими мѣсто тамъ, гдѣ должна была происходить и дѣйствительно происходила эта ономагическая метаморфоза.

Ключъ къ уразумѣнію этого замѣчательнаго процесса случайно оказался въ запискахъ Зимарха, сохранившихся въ извлеченіи, сдѣланномъ другимъ византійскимъ писателемъ VI вѣка, Менадромъ протекторомъ, хотя мы сперва сразу наталкиваемся въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ на нѣкоторую путаницу, обязанную своимъ происхожденіемъ или недоразумѣнію самого Зимарха, запечатлѣнному имъ въ своемъ отчетѣ о посольствѣ, или же редакторскому домыслу протектора Менадра, составившаго лишь *извлеченіе* изъ хранившагося въ архивѣ подлиннаго

1) Аналогическія явленія отмѣчены и въ другія времена. См. В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію. СПб. 1897, стр. 17, 30, 42, 62, 67.

отчета Змархова. И послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ въ виду признанія самого Менадра по поводу другого посланника Петра магистра, къ Хозрою, о которомъ онъ сообщаетъ, что «онъ записалъ подробно все что было сказано и отвѣчено Хозроемъ, персидскими и римскими послами, подлинныя ихъ слова». А потомъ довольно откровенно заявляетъ, какъ самъ онъ распорядился съ сочиненіемъ Петра, а именно: «Что касается до меня», говоритъ онъ, «что не было *ни нужно, ни прилично* въ историческомъ сочиненіи слишкомъ попусту распространяться и долго останавливаться на одномъ предметѣ. Я почерпнулъ изъ его книги все то, что было нужно, и изложилъ коротко»¹⁾. Это признаніе Менадра крайне цѣнно и вызываетъ чрезвычайную осторожность относительно степени довѣрія къ компилятивнымъ извлеченіямъ Менадра изъ сочиненій своихъ предшественниковъ, такъ какъ онъ, по собственному признанію, не былъ заправскій бытописатель, а скорѣе литературный дилеттантъ, подвигнутый къ литературнымъ упражненіямъ приѣмомъ императора Маврикія, поощрявшаго подобнаго рода дѣятельность²⁾. Г. С. Дестунисъ считаетъ его просто «человѣкомъ неученымъ»³⁾. И это особенно важно имѣть въ виду потому, что предметъ, котораго касается Менадръ въ своей компиляціи, т. е. наиболѣе раннія извѣстія о туркахъ, чрезвычайно любопытный и ценный до него изъ византійскихъ писателей не затронутый. Такъ вотъ при наличности столь характерныхъ компиляторскихъ приемовъ Менадра въ передачѣ извѣстій о туркахъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что именно ему мы обязаны тою путаницею, которая несомнѣнно содержится въ одномъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ его повѣствованій.

Начать хотя бы съ того: въ его повѣствованіяхъ всѣ собственныя имена, приписываемыя имъ туркамъ, звучатъ какъ-то не потурецки: всѣ эти Арсплы, Турксапы, Маньли, и даже Дизабулъ (варіирующійся въ Дильзибулъ и даже Зильзибулъ)—это имена не турецкаго звуко-состава. А всѣ эти эфталиты, холіаты, кермихюны, не говоря уже о сакахъ и массагетахъ, какъ именуются у него народцы будто бы все турецкой отрасли, развѣ въ нихъ есть что-либо похожее на какія-нибудь знакомыя намъ изъ турецкаго языка и его памятниковъ этно-

1) Византійскіе историки. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса. СПб. 1861, Менадръ, стр. 356.

2) De Menaudro, p. XXXII. Стр. 319. — Дестунисъ считаетъ Менадра просто «человѣкомъ неученымъ» (См. Прокопія Кесар. Исторія войнъ. СПб. 1876, стр. 25, пр.).

3) Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ римлянъ съ персами. СПб. 1876, стр. 25, прим.

графическія наименованія? Это одна сторона дѣла, не лишенная своего значенія въ нашемъ изслѣдованіи. Другая такая же состоитъ въ скомканности повѣствованій Менандра о событіяхъ, предшествовавшихъ возвращенію Зимарха въ Византію изъ своего путешествія къ туркамъ. Эти свойства сообщеній Менандра однако же не лишаютъ ихъ историческаго значенія при соблюденіи извѣстной методичности обращенія съ ними, даютъ возможность истолковать происхожденіе и смыслъ имени «Таматарха», потерявшаго всяческаго видоизмѣненія до русской «Тмутараканн» включительно¹⁾.

Въ началѣ четвертаго года царствованія Юстина, читаемъ мы у него, т. е. въ 568 г. по Р. Хр., въ Византію прибыло посольство отъ турковъ, въ частности отъ той турецкой отрасли, которая у Менандра обозначается именемъ согдаитовъ, которые раньше были подданными эфталитовъ, а теперь, подпавъ подъ власть Дизабула, просили его послать посольство въ Персію для установленія продажи шелка. Дизабуль согласился на это, и во главѣ посольства стоялъ *Маніахъ*. Посольство не удалось: персы отказались заводить торговля сношенія съ согдаитами, закупили привезенный ими съ собою шелкъ и демонстративно сожгли его на глазахъ посланниковъ. Послы вернулись домой ни съ чѣмъ и допесли о неудачѣ своего посольства Дизабулу²⁾. Онъ не остановился на этомъ и вторично отправилъ пословъ въ Персію къ Хозрою, но уже неизвѣстно подъ чьимъ начальствомъ, ибо о Маніахъ тутъ у Менандра не упоминается³⁾. Персы опять недружелюбно встрѣтили турецкое посольство и большую часть посланниковъ отравили, распустивъ слухъ, что тѣ умерли отъ удушливыхъ жаровъ персидскихъ⁴⁾. Такое поведеніе персовъ разгнѣвало Дизабула. И тутъ опять выступастъ на сцену «Маніахъ, *начальникъ* Согдаитовъ, который совѣтуетъ Дизабулу держаться лучше римлянъ и съ ними торговать шелкомъ, и, для заключенія дружбы и союза съ ними, самъ вызывается стать во главѣ посольства, которое и отправилось съ письмами, привѣтствіями и подарками. Маніахъ прибылъ въ Византію, представился императору и вручилъ ему письма. Императоръ принялъ посланниковъ очень ласково, прочиталъ черезъ переводчиковъ эти письма, разспрашивалъ посланниковъ о странѣ и о владѣніяхъ турковъ и вознамѣ-

1) Васильевскій, Op. cit., стр. 379 и 380.

2) Менандръ, Op. cit., стр. 372

3) Ibidem.

4) Стр. 373.

рился отправить къ туркамъ свое посольство. Начальство надъ посольствомъ онъ поручилъ полководцу восточныхъ городовъ *Зимарху*, киликійцу, который и отправился въ путь, сопровождаемый самимъ Маніахомъ и его товарищами ¹⁾. Съ этого момента мы уже не знаемъ, что случилось съ Маніахомъ, вплоть до того времени, когда Зимархъ, добравшись послѣ продолжительныхъ странствованій до ставки Дизабула у какой-то горы Актага (= Золотой горы, едва ли не Алтай), былъ радушно принятъ и чествованъ Дизабуломъ и въ концѣ концовъ былъ приглашенъ имъ сопутствовать ему въ походѣ противъ персовъ, съ тѣмъ чтобы остальные члены приведеннаго имъ византійскаго посольства отправились одни впередъ въ страну какихъ-то холиатовъ, сближаемыхъ съ народомъ *канлы* китайскихъ источниковъ, въ которыхъ ученые видятъ пынѣшнихъ кыргизовъ; а тамъ Зимархъ долженъ былъ догнать ихъ и вмѣстѣ съ ними отправляться во-свояси.

Вотъ при этой okazji, т. е. при обратномъ отправленіи Зимарха и его свиты домой, Менандръ еще разъ мимоходомъ вспоминаетъ о Маніахѣ въ такомъ духѣ. Онъ говоритъ, что Дизабулъ уже на пути противъ персовъ, достигши мѣста, именуемаго у него Таласъ, утвердилъ дружбу съ римлянами и отпустилъ Зимарха, но присоединилъ къ нему своего посла, который носилъ имя *Талма*, а имѣлъ достоинство *Тархана*. Мало того, Менандръ къ этому присовокупляетъ какой-то совсѣмъ малопонятный фактъ, а именно, что при этомъ посланникѣ Дизабула паходился сынъ умершаго Маніаха. Въ греческомъ подлинникѣ извлеченій Менандра это извѣстіе читается такъ: 'Ο μὲν Διζαβούλος παρεσκευάζετο τὴν ἐπὶ Πέρσας, τῷ ται ἄρα τοὺς ἀμφὶ Ζήμαρχον μετακαλεσάμενος, καὶ ὡς ἐνῆν, πρὸς τοὺς Ῥωμαίους φιλίαν ἐμπεδώσας, ἀφῆκεν κῆδεις ἀπονοστήσοντας, ἕτερον πρεσβευτὴν αὐτοῖς συναποστείλας τῷ τὸν πρότερον λεγόμενον Μανιάχ τεθνάσαι. ἦν δὲ ἐπὶ κλησὶς τῷ μετ' ἐκεῖνον πρεσβευτῇ Τάγμα αὐτῷ, ἀξίωμα δὲ Ταρχάν. οὗτος δὲ οὖν ἐστάλη ὑπὸ Διζαβούλου ὡς Ῥωμαίους πρεσβευσόμενος. καὶ μὲν οὖν σὺν αὐτῷ ἔ τοῦ ἤδη ἀποχωρήσαντος παῖς, φησὶ δὲ τοῦ Μανιάχ, κομιδῇ μεράκιον, ὁμοίως δὲ τὸ πατρῶον διαδοξάμενος γέρας, ἔτι μὴν καὶ τὴν μετὰ τὸν Ταρχάν κληρωσάμενος ἀξίαν. οἶμαι δὲ τῷ ἐπιτηδείατάτον τε καὶ εὐνούστατον γενέσθαι τῷ Διζαβούλῳ τὸν Μανιάχ τοῦ πατρῶου τὸν παῖδα τυχεῖν ἀξιώματος ²⁾. Въ русскомъ переводѣ Дестуниса это значить: «Дизабулъ гото-

1) Стр. 374—375.

2) Dexippi, Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Pars I p. 381—385.

вился идти на Персовъ. Призвавъ къ себѣ Зимарха и его спутниковъ, онъ утвердилъ дружбу съ Римлянами и отпустилъ его. Вмѣстѣ съ нимъ отправилъ онъ къ Римлянамъ другого посланника, потому что прежній, Маніахъ, умеръ. Новый посланникъ назывался Тагма; онъ былъ достоинствомъ Тарханъ. При немъ находился и сынъ умершаго Маніаха. Онъ былъ еще отрокъ, но наследовалъ званію отца и былъ вторымъ по достоинству, послѣ Тагмы Тархана ¹⁾). Я думаю, что этотъ молодой человѣкъ получилъ достоинство своего отца потому, что Маніахъ былъ приверженъ къ Дязабулу и близкій къ нему человѣкъ» ²⁾).

Въ этомъ отрывкѣ все же остается для насъ не ясно, гдѣ и когда умеръ Маніахъ: повидному, гдѣ-то въ дорогѣ, когда онъ сопровождалъ Зимарха къ хану Дязабулу. Еще менѣе понятно, откуда взялся сынъ умершаго Маніаха около Дязабула въ Таласѣ въ тотъ моментъ, когда онъ отпускалъ отъ себя Зимарха со всею его свитою въ обратный путь, и зачѣмъ понадобилось этому сыну Маніахову находиться при новомъ посланникѣ Дязабула, отправлявшемся вмѣстѣ съ Зимархомъ въ Византію и именуемомъ у Менаандра *Тагмою*. Эта темнота мало-помалу разъясняется, когда мы обратимъ вниманіе на одно побочное обстоятельство, на которомъ и Менаандръ, а раньше его, очевидно, и самъ составитель отчета о путешествіи Зимарха, нарочито остановился и тщательно подчеркнул его. Оно заключалось въ томъ, что сынъ умершаго Маніаха былъ совѣтъ молодой юноша, но уже занялъ положеніе своего умершаго отца. Какое было это положеніе, въ отчетѣ не сказано, но оно должно было быть очень важное, ибо авторъ отчета строить даже такое свое насчетъ него соображеніе: «Я думаю», говоритъ онъ, «что этотъ молодой человѣкъ получилъ отцовское *достоинство* потому, что Маніахъ былъ приверженъ къ Дязабулу и близкій былъ ему человѣкъ» ³⁾). Попытаемся разобраться въ этой путаницѣ. Для этого слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что какъ турки въ лицѣ хагана Дязабула, такъ и византійскіе императоры, завязывал сношенія между собою черезъ посредство своихъ посольствъ, безпрестанно странствовавшихъ взадъ и впередъ, ставили во главѣ этихъ

1) Въ латинскомъ переводѣ Нибура это мѣсто передано такъ: «et dignitate proxime ad Tagma Tarchan accessit». По мнѣ, и тотъ и другой переводъ не совсѣмъ вѣрны.

2) Византійскіе историки Дексиппъ, Эвнаній, Олимпіодоръ, Малхъ, Петръ патрицій, *Менаандръ*, Кандидъ, Нонносъ и Теофанъ византіецъ, переведенные съ греческаго Сирридономъ Дестунисомъ. Примѣчанія Гавріила Дестуниса. Издженіемъ Духовнаго Вѣдомства. СПб. 1860. Менаандръ византіецъ, стр. 380.

3) *Loc. cit.*

городовъ, и одинъ изъ нихъ — Таразъ = Таласъ, т. е. какъ разъ тотъ пунктъ, до котораго, по свидѣтельству византійца Менадра, дошелъ посольствъ довѣренныхъ лицъ, состоявшихъ военачальниками въ отдаленныхъ, т. е. понашему пограничныхъ, мѣстностяхъ своихъ государствъ. Такими военачальниками на первыхъ порахъ и были со стороны турковъ пѣкій *Маніахъ*, дважды правившій посольство отъ Дизабула—сперва къ персамъ, а потомъ и къ византійцамъ, а со стороны византійскаго императора — какой-то *Зимархъ*. *Маніахъ*, говорить византійцы, былъ *начальникъ согдаитовъ*, турецкой отрасли, подвластной Дизабулу и кочевавшей по сосѣдству съ Персией, слѣдовательно гдѣ-то на далекой окраинѣ владѣній Дизабула. По ихъ-то просьбѣ Дизабулъ и сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію съ персами и отправилъ свое посольство къ Хозрою, дважды потерпѣвшее, какъ мы выше сказали, полное фіаско. И *Зимархъ*, глава византійскаго посольства, тоже былъ полководецъ восточныхъ городовъ и киликіецъ, т. е. опять-таки военачальникъ отдаленныхъ окраинныхъ владѣній византійской короны. У византійскихъ бытописателей и *Маніахъ* и *Зимархъ* какъ будто собственныя имена лицъ, правившихъ одинъ турецкое, другой византійское посольство въ качествѣ довѣренныхъ представителей своихъ государей. Но изъ текста Менадра не выходитъ съ несомнѣнностью, что *Маніахъ* и даже *Зимархъ* сугбъ собственныя имена лицъ. Равно, едва ли обязательно считать менадровскаго *Маніаха* совершенно тождественнымъ съ *Μανίαχ*—Аины Комнины и принимать оба эти слова за измѣненное въ обояхъ случаяхъ имя *Бомякъ*, извѣстное имя одного половецкаго хана, какъ это настойчиво утверждаютъ византинисты¹⁾. Если даже допустить, что Анна Комнина персиначила въ XII вѣкѣ своего современника половецкаго хана Бомяка въ *Μανίαка*, такъ вѣдь она могла это сдѣлать, какъ начитанная въ исторіяхъ византійскихъ писательница, воспользо-вавшись готовою подходящею формою отъ того же Менадра, и даже могла быть наведена запискою Менадра на мысль о тождествѣ лишь въ фонетической трансформациі чужезычныхъ именъ *Бомякъ* и *Μανίαкъ*, предупредившаго ея догадку на дѣльяхъ пять вѣковъ раньше. А между тѣмъ въ сочиненіи персидскаго писателя XI же вѣка, Абу-Са'ида 'Абд уль-Хайя б. Зогака *Гардизи*, подъ заглавіемъ «Украшеніе извѣстій», имѣется свидѣтельство о томъ, что Семирѣчье издавна занято было турецкими племенами, и что на торговомъ пути изъ Западной Азіи въ Китай черезъ Семирѣчье существовало нѣсколько

1) В. Васильевскій, *Op. cit.*, т. I, СПб., 1908, стр. 42 и 98.

Дизабуль во время своего похода противъ персовъ, и гдѣ онъ отпустилъ домой Зимарха. Эго былъ торговый пунктъ на рѣкѣ Чуй. И вотъ въ Чуйской долинѣ обитало нѣсколько турецкихъ поколѣній около крупныхъ селеній турковъ, какъ городъ *Яръ* и *Барсханъ*. Любопытно, что глава или владѣтель каждаго изъ поколѣній, обитавшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, носилъ особый титулъ — *кутеминъ*, *тексинъ* и, наконецъ, владѣтель Барсхана носилъ титулъ *манакъ*. Барсханскій *манакъ*, по словамъ одного персидскаго географа X в., происходилъ изъ карлуковъ, но впоследствии жители перешли на сторону токуз огузовъ. Какъ центръ торговыхъ сношеній между восточнымъ и западнымъ Туркестаномъ, городъ имѣлъ важное значеніе ¹⁾. Вотъ невольно возникаетъ такое соображеніе, что во главѣ посольства къ персамъ и былъ командированъ Дизабуломъ *манакъ*, т. е. правитель нѣкоторыхъ турецкихъ пограничныхъ областей, бывшихъ во владѣніи главнаго хагана Дизабула, имѣвшій своею резиденціею г. Барсханъ, какъ объ этомъ послы его подробно докладывали византійскому императору Юстину на аудіенціи; что народъ ихъ раздѣлялся на *четыре* владѣнія, но владычество надъ всѣми принадлежало одному Дизабулу ²⁾. А позднѣе византійское посольство подъ начальствомъ Валентина меченосца во время своихъ трудныхъ странствованій добралось до края, гдѣ были военные знаки Турксаноя, сына Дизабулова, одного изъ князей уже *восьми* турецкихъ племенъ съ единоподержцемъ Арсилою во главѣ, а братъ его Гардъ тоже княжилъ въ мѣстахъ на рѣкѣ Эктель, или Идяль, какъ встарину называлась у грековъ и арабовъ р. Волга ³⁾.

Изъ соображенія всѣхъ вышенприведенныхъ частныхъ и выходитъ, что авторъ отчета о путешествіи Зимарха называлъ посла Дизабулова *маніакомъ*, но только не по имени его, а *по званію* пограничнаго областного правителя, а можетъ быть даже въ смыслѣ родового владѣтеля; а когда онъ повѣствуетъ объ отправленіи Дизабуломъ вторичнаго посольства въ Византію, онъ обозначаетъ титулъ его уже соответственнымъ византійскимъ терминомъ *тагматархъ* — *ταγματάρχης*, каковымъ оказался теперь не прежній *манакъ*, такъ и оставшійся неизвѣстнымъ намъ по имени, а уже сынъ его, и притомъ

1) В. В. Бартольдъ, Очеркъ исторіи Семирѣчья, отд. оттискъ изъ Пам. Книж. Сем. Обл. на 1898 г. Вѣрный. Стр. 15—17, и его же: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью. СПБ, 1897, гдѣ находится и подлинный текстъ персидскаго географа Гардизи (стр. 90) и переводъ В. В. Бартольда (стр. 194).

2) Менандръ, стр. 374.

3) Op. cit., 418 и 422.

еще какъ непосредственный преемникъ своего отца въ званіи пограничнаго удѣльнаго правителя, хотя тоже никакъ не названный по имени. Самому ли Зимарху или составителю отчета о его посланничествѣ, какъ очевидцамъ, можетъ быть это было ясно и понятно, а сдѣлавшій лишь экстрактъ изъ этого отчета Менандръ, уже имѣя въ виду одинъ турецкій титулъ *маналъ* и, не распознавъ чисто византійскаго титула *ταγματάρχης*, грамматически неправильно раздѣливъ его на двѣ части, сдѣлалъ изъ первой его половины — *τάγμα* — никогда не существовавшее турецкое собственное имя, а изъ второго — *άρχης* — выкроилъ будто бы тоже турецкій титулъ *тарханъ*, и вышло то, какъ если бы теперь кто-нибудь изъ титула «генераль-губернаторъ» сдѣлалъ собственное имя «Генераль» и титулъ «губернаторъ». Благодаря такой путаницѣ, вмѣсто двухъ лицъ — отца и сына, преемственныхъ пограничныхъ правителей владѣній Дизабуловыхъ, у Менандра получилось три человекъ, изъ которыхъ одинъ, молодой юноша, оказался, за смертью своего отца, какимъ-то непонятнымъ придаткомъ ко второму человекъ, названному небывалымъ именемъ «Тагма», послу Дизабула, тогда какъ онъ-то самъ и былъ этимъ *тагматархомъ*, т. е. областнымъ правителемъ, и въ то же время посломъ, подобно своему отцу, который до самой своей смерти также былъ областнымъ правителемъ, и въ этомъ званіи дважды предводительствовалъ посольствомъ, отправлявшимся въ сосѣднія съ управляемою имъ областью чужія страны — въ Персію и Византію, пока, наконецъ, эти его полномочія, съ его смертью, не перешли какъ бы по наслѣдству къ его сыну, и, конечно, не безъ соизволенія на то главнаго хагана Дизабула, который, по словамъ того же Менандра, цѣнилъ его приверженность къ себѣ и прочія его заслуги, ибо слѣдовалъ его совѣтамъ въ вопросахъ объ отношеніяхъ къ сосѣднимъ народамъ и государствамъ.

Въ оправданіе этой своей гипотезы, на которой построены всѣ дальнѣйшія соображенія и заключенія, не безъ основанія можно опереться на тотъ фактъ, что путаница инородческихъ именъ и званій у грековъ не составляетъ исключительной особенности одного Менандра, этого литературнаго компилятора-любителя: она имѣется и у такихъ, напримѣръ, заправскихъ византійскихъ историковъ, какъ Прокопій Кесарійскій, почти современникъ Менандра. Вотъ какія у него встрѣчаемъ очень цѣнныя для насъ, мѣста въ его «Исторіи войны персидской». Въ одномъ мѣстѣ читаемъ: *Στρατηγός δὲ εἰς ἅπαντιν ἐρείσθηκε, Πέρσης ἀνὴρ, Μιρράνης μὲν το ἀξίωμα (οὕτω γὰρ τὴν ἀρχὴν καλοῦσι*

Πέρσαι), Περσόςδε δὲ ὄνομα¹⁾. С. Дестунисъ переводить такъ: «Всѣ оны состояли подъ начальствомъ одного Перса, по имени Пероза, достоинствомъ миррана — такъ Персы называютъ этого начальника». А Г. С. Дестунисъ къ нему присовокупляетъ слѣдующій комментарий: «Въ словѣ «мирранъ», вѣроятно, заключается то качество главнокомандующаго, которое выражено словами: στρατηγός δὲ εἰς ἅπασιν ἐφειστήκει. Въ В. Р. I, р. 66 В. этого лица Прокопій болѣе не называетъ Перозомъ, а только — мирраномъ — ταῦτα ἐπεὶ Μιρράνης ἀπενεχθέντα τὰ γράμματα εἶδεν, ἀμείβεται ὧδε = «Мирранъ, прочитавъ письмо, отвѣчалъ такъ»²⁾. Несмотря на то, что онъ объяснилъ μιρράνης какъ названіе чина, онъ изъ 13 разъ пишетъ его 9 разъ безъ члена въ такихъ случаяхъ, гдѣ при именахъ нарицательныхъ ставится членъ; онъ поступаетъ тутъ такъ же, какъ относительно именъ собственныхъ, и только 2 раза прилагаетъ онъ членъ. Сверхъ того есть 2 случая безъ члена такіе, гдѣ члена не можетъ быть, наприм., какъ здѣсь Μιρράνης μὲν τὸ ἀξίωμα (р. 62 В.) и въ обращеніи ὦ βέλτιστε Μερράνη (р. 67 В.). Въ 14-й разъ тамъ, гдѣ говорится о другомъ мирранѣ, употреблено это слово, по объясненію самого же Прокопія, какъ имя личное: Πέρσης ἀνὴρ, Μιρράνης ὄνομα, ὅσπερ τοῦ ἐν Πέτρα φυλακτικῆς ἡρχεν = Praesidio Petrae Praefectus, Mirrhane nomine natione Persa»³⁾. Положимъ, объ этомъ второмъ мирранѣ Прокопій могъ слышать, что таково имя одного Перса, а о первомъ, что таково званіе одного Перса. (курсивъ нашъ). Но какимъ образомъ объяснить колебанія автора относительно перваго лица — не знаю. Лагардъ, приводя наше мѣсто изъ Прокопія, т. е. I 62, 6, 7, прибавляетъ: «in armenischen Historikern findet sich *Mihran* oft, aber meines Wissens stets als Eigennamen (Lagarde, Gesammelte Abhandlungen). . . Итакъ по Прокопію «мирранъ» званіе, а «Перозъ» — имя собственное. Мы знаемъ однако, что и «перозъ» прежде было прозвищемъ. См. пр. I къ гл. 3. *Любопытная смѣна, заштыряемая фактами, а не одними догадками*»⁴⁾. А въ прилѣчаніи I къ гл. 3, гдѣ Дестунисъ объясняетъ имя Περσόςδε и Περσόςδε въ текстахъ греческихъ историковъ, онъ говоритъ: «Итакъ, πίροσος значить, по Амміану, bellorum victor. Лагардъ имѣлъ въ виду

1) Procopius, De bello Persico. р. 62.

2) Ibidem, р. 66.

3) Procopius, Op. cit. р. 239.15

4) Дестунисъ, Op. cit., стр. 160—161.

вособенности пограничныхъ съ иноземниками, и главнымъ образомъ съ турецкими ордынцами, сопровождались перениманіемъ ими другъ отъ друга формъ военно-административной организаціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ влекли за собой взаимообмѣнъ частною номенклатурою этой организаціи: турки многое перенимали по этой части отъ византійцевъ; византійцы, въ свою очередь, усваивали себѣ, если не въ жизни, то въ литературѣ, отъ турковъ иногда свои же собственные термины, но настолько иногда уже искаженные, что, не подозрѣвая въ нихъ этого искаженія, разсматривали и принимались комментировать ихъ какъ совсѣмъ чужіе неологизмы. Это любопытное явленіе замѣчено и отмѣчено и византологами, на авторитетъ которыхъ въ этомъ случаѣ мы считаемъ себя въ правѣ сослаться ¹⁾. Это косвенно подтверждается постоянно встрѣчающимися у византійскихъ писателей добавочными оговорками въ видѣ словъ λεγόμενοι или καλούμενοι ²⁾ и т. п., которыя указываютъ на то, что авторы поневолѣ стали прибѣгать къ нимъ вслѣдствіе неувѣренности въ подлинномъ существованіи и точномъ значеніи тѣхъ или другихъ терминовъ, которыхъ эти добавочныя оговорки касались.

Съ другой стороны, не мною только, а и другими учеными замѣченъ тотъ фактъ, что турки, вчастности турки-сельджуки, переживавшіеся потомъ въ турковъ-османлы, издавна входившіе въ соприкосновеніе съ византійцами, очень многое заимствовали у послѣднихъ готоваго по части организаціи внутренняго государственнаго быта, такъ какъ сами они, будучи кочевниками, ничего подобнаго у себя не имѣли. Еще извѣстный и замѣчательный ученый конца XVI и начала XVII вѣка Леуноклавій по одному случаю весьма категорически отозвался о туркахъ османскихъ, что ими многое заимствовано «отъ грековъ и римлянъ, которымъ они старались подражать во всемъ какъ обезьяны» ³⁾. То же самое утверждаютъ о нихъ и позднѣйшіе изслѣдователи юридическаго и государственнаго строя Турецкой имперіи, какъ, напримѣръ, Фальмераьеръ и М. Миллеръ. Послѣдній вособенности такъ настоятельно отзывается по этому поводу: «Schon

1) В. Г. Васильевскій, Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства въ Журн. М-ва Нар. Просв. за 1880 г., т. 210, отд. 2, стр. 372, 373, 382; Ѳ. И. Успенскій, «Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи» въ Журн. М-ва Народн. Просв., т. 225, стр. 65.

2) Constant. Porphyrogen., III, 17; Chalcocondilas, 441,8 и др.

3) См. цитаты въ моемъ соч. «Мнимый Турецкій Султанъ, именуемый у европейскихъ писателей XVI в. Calcepinus Cyrisclebes». СПб 1907, стр. 24.

früher hat man irgendwo bemerkt, dass nicht bloss einige Praktiken der türkischen Staatsverwaltung byzantinisches Gepräge tragen; das ganze Gezimmer der osmanischen Monarchie, die Eintheilung der Provinzen, die Hierarchie des öffentlichen Dienstes, die obersten Justiztribunale im Ost und West vom Hellespont, in Europa und Anatolien, Name der Aemter, Form der Polizei — und Municipal-Verwaltung, Lug, Trug und öffentlicher Diebstahl der Obrigkeiten, Erbarmungslosigkeit und permanente Verschwörung der kaiserlichen Fiscus gegen Gut und Eigenthum der Unterthanen sind bis auf diese Stunde — nur mit türkischer Benennung — byzantinisch geblieben»¹⁾).

Для иллюстраціи высказаннаго положенія сдѣлаемъ нѣсколько отступленій, долженствующихъ пропедевтически освѣтить тотъ путь, какимъ совершилось превращеніе первоначальнаго *таматарха* въ *Таматарху* и въ *Тмутаракань* именно въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходила такая взаимная амальгамизація византийскаго турецкой терминологіи.

Оставляя пока въ сторонѣ имѣющіяся у насъ наблюденія по этому вопросу, долженствующія стать предметомъ особаго изслѣдованія, ограничимся на этотъ разъ лишь нѣсколькими образцами. Такъ, на примѣръ, у Льва Діакона встрѣчается выраженіе «*καὶ τραπεζίτας ἐπιλέγεσθαι γενναίους καὶ ἀνδρείους, οὓς οἱ Ἀρμένιοι τασινάρους καλοῦσι*» = «и выбрали скороходовъ (для пограничной стражи), здоровенныхъ и мужественныхъ, которыхъ армяне называютъ *тапинариями*»²⁾). Здѣсь греческій хроникеръ, знакомый, вѣроятно, лишь понаслышкѣ, съ армянскимъ терминомъ, но не имѣвшій яснаго представленія о его значеніи, внесъ его въ свою хронику цѣликомъ безъ всякихъ комментаріевъ и даже, очевидно, не подозрѣвая, что онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ армянскихъ словъ *тасын* (*տասն*) = десять и *айр* (*այր*) = «мужъ», или *арй* (*արի*) «мужественный». Если для извѣстной цѣли, охраны приграничныхъ путей, отбирали ходоковъ, то навѣрное въ определенномъ числѣ, каковымъ въ данномъ случаѣ и является число десять, а въ греческомъ обиходѣ этотъ *десятокъ* отборныхъ по силѣ людей обратился въ сипсеходическое обозначеніе просто *ходоковъ*. Последнее предположеніе подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что у того же Льва Діакона въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «*τοὺς τραπεζίτας ἀποστέλλειν*

1) Abhandlungen d. philosoph.-philolog. Classe d. K. Akademie d. Wissenschaften. 4 Band. In der Reihe d. Denkschriften der XXI Band. München 1847. §§ 32, Anm. 1.

2) Leo Diaconus, De velitatione bellica Nicephori Phocae. p. 189.

ἤτοι τὰ τασινάκια» = «послалъ ходоковъ или *тасинакисовъ*» ¹⁾. Этотъ вариантъ, если не принять его за искаженіе предыдущаго, уже просто совпадаетъ съ армянскимъ же, производнымъ отъ числительнаго имени *тасын* = «десять», другимъ словомъ *таснеак* (*տասնեակ*), что значить «десятокъ». Или же, какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, могло быть схвачено армянское же *интацик* (*ինժանգի*) съ тѣмъ же эпитетомъ *арі* = «славный», а то и безъ этого эпитета.

Какъ бы то ни было, но для насъ важенъ тотъ фактъ, что византійцы наблюдали нѣкоторые факты жизни иноплеменныхъ народовъ и вводили обозначенія ихъ въ свои произведенія въ видѣ терминовъ на языкахъ тѣхъ народовъ, не давая себѣ труда уяснить ихъ точный смыслъ и значеніе, или забывая и теряя его.

Но они не всегда держались такого приѣма: у иныхъ мы замѣчаемъ уже попытку видоизмѣненія иноязычныхъ терминовъ въ собственномъ греческомъ духѣ. Такъ Константинъ Багрянородный сперва называетъ турецкихъ вождей чисто по-гречески πάντες οἱ ἄρχοντες τῶν Τούρκων = «все начальники турковъ» ²⁾, а потомъ Σαρακηνῶν ἡγούμενοι, οἱ φύλαρχοι ἐπικαλοῦνται = «сарацинскіе предводители, которые называются *филархами*» ³⁾, т. е. употребляя чисто турецкое наименованіе главарей племенъ *бийляръ* въ грецифицированномъ переначеніи, дающемъ возможность усматривать въ немъ сочетаніе греческихъ словъ φύλη = племя, народъ и ἄρχων = начальникъ ⁴⁾.

Это бы все еще ничего; а то еще у тѣхъ же византійцевъ встрѣчаются административные термины, вошедшіе въ официальное употребленіе, которые не мало даютъ труда ученымъ своею загадочностью въ распознаваніи ихъ кореннаго значенія и происхожденія, какъ это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ проницательныхъ нашихъ византологовъ, В. Г. Васильевскій, который однажды откровенно призналъ безнадѣжность собственныхъ усилій въ этомъ направленіи, заявивъ: «мы предоставляемъ угадывать аналогіи проницательности читателей» ⁵⁾.

На этомъ пути мы уже встрѣчаемъ совершенное усвоеніе византійскою административною номенклатурою чужезычныхъ терминовъ съ такимъ ихъ преобразованіемъ на свой греческій ладъ, что въ нихъ

1) Ibid., p. 196.

2) Constant. Porphyrogen., III, p. 74.

3) Ibid., p. 314.

4) Thesaurus, VIII, p. 1115.

5) Въ Журн. Мин. Нар. Просв., т. 210, стр. 365, прим. 1.

не такъ легко сразу распознать ихъ чуждое происхожденіе. Такими на мой взглядъ представляются два названія податей—*ἀερίχον* и *ὄρεικῆ*. В. Г. Васильевскій, самъ признавшій свои догадки лишь за «самую слабую попытку къ разъясненію ужасающей (sic!) номенклатуры разныхъ повинностей и сборовъ, встрѣчаемыхъ въ греческихъ актахъ и грамотахъ»¹⁾, въ то же время, не задумываясь, по вопросу о значеніи вышеприведенныхъ названій, высказался въ такомъ рѣшительномъ духѣ, что, молъ, «мы положительно можемъ утверждать, что такъ называемое *ἀερίχον* и *ἀήρ* есть не что другое, какъ та же *поголовная подать* подь другимъ названіемъ»²⁾; или еще: «Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ славянскія выраженія объясняются греческими и наоборотъ... Во всѣхъ (приведенныхъ у него) этихъ мѣстахъ *ὄρεικῆ*, горнина, является въ числѣ четырехъ статей наряду съ *ἐννόμιον*, пастбищнымъ, хотя обѣ подати совершенно однородны, такъ какъ *горнина* означаетъ поборъ со скота, пасущагося въ горахъ, а *ἐννόμιον* поборъ со скота, пасущагося на поляхъ и лугахъ»³⁾. Тутъ съ одной стороны совершенная однородность, а съ другой различительный плеоназмъ—что-то сомнительны, потому что чересчуръ изысканны.

Почтенный ученый дѣлаетъ натянутый выводъ, что всѣ эти термины будто бы должны быть понимаемы въ смыслѣ поголовной подати. Къ этому выводу его завлекло между прочимъ присутствіе въ вышеупомянутомъ актѣ еще одного, тоже навидь нѣсколько загадочнаго, термина *χαρέσιον*, въ которомъ онъ вполне правдоподобно усматриваетъ видоизмѣненное турецкое *хараджъ* — *خراج*, очень давнее, усвоенное и всѣми турками арабское наименованіе поголовной подати⁴⁾.

Это послѣднее обстоятельство, т. е. нахожденіе несомнѣнно турецкаго термина въ ряду другихъ доподлинно греческихъ, даетъ намъ основаніе искать объясненія терминовъ *ἀερίχον* и *ὄρεικῆ* вовсе не въ греческомъ языкѣ, а въ языкѣ того народа, отъ котораго византіяцы заимствовали и *χαρέσιον* = *χαράτζιον* = *χάραγμα*, т. е. въ языкѣ турецкомъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ перечнѣ поземельныхъ податей и повинностей, мнѣ кажется, будетъ позволительнымъ усматривать въ обоихъ наименованіяхъ греческое производное отъ турецкаго *арѣкѣ*—*آریق* =

1) Журн. М. Н. Пр., т. 210, стр. 372.

2) Ibid., стр. 371.

3) Ibid., стр. 373.

4) Ibid., стр. 371.

«каналъ для проведенія воды, ровъ»¹⁾), что будетъ значить «арычное», «арычина», потому что при градусозиданіи естественно необходимо было и копаніе рововъ, земля которыхъ обращалась на возведеніе валовъ, оградъ. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что турки самыхъ различныхъ отраслей искони были мастерами этого дѣла, такъ что даже позднѣйшее казачье-днѣпровское городище и то посылало татарское названіе «Сичъ» = окопъ; да и *курень*, почти того же значенія, также татарское слово. На этомъ основаніи слѣдуетъ оба слова *ἀρχήν* и *ὄρειχῆ* признать лишь вариантами грецификаціи одного и того же турецкаго слова *арыкъ*. Что же касается до славянскаго *горнина*, то его надлежитъ считать лишь послѣдующимъ переводомъ съ греческаго, наподобіе того, какъ арабско-татарское *хараджъ* буквально переведено было въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ словомъ *выходъ*. Славянская имитация никакъ не можетъ служить доказательствомъ подлинности греческаго происхожденія его прототипа, бывшаго лишь искаженіемъ турецкаго оригинала, не болѣе.

Взамѣнъ такихъ заимствованій отъ турковъ византіяцами податныхъ наименованій, пополнявшихъ фискальную изобрѣтательность византійскаго чиновничества, отъ поборовъ котораго «стономъ стонало христіанское населеніе азіатскихъ, послѣ и европейскихъ частей имперіи и потому сравнительно легко примирялось съ владычествомъ турокъ-сельджуковъ и турокъ-османовъ»²⁾), и византіяцы подѣлились съ турками нѣкоторыми продуктами своей административной изобрѣтательности, оставившими слѣды свои уже въ языкѣ турецкомъ, которые доселѣ также представлялись загадочными въ своемъ лингвистическомъ происхожденіи. Какъ на образчики такого словообмѣна, въ видѣ косвенныхъ подтвержденій возможности, и даже несомнѣнности греческаго происхожденія имени *Тмутаракань*, этого главнаго предмета нашего настоящаго изслѣдованія, я укажу здѣсь пока только два турецкихъ термина — *тимаръ* (تیمار) и *зіамэтъ* (زعامت), которые заслуживаютъ наибольшаго вниманія. *Тимаръ* (تیمار) = земельная вотчина, или земельный участокъ, приносявшій владѣльцу его менѣе двадцати тысячъ піастровъ дохода, и *зіамэтъ* (زعامت) = вотчина, приносящая 20.000 піастровъ и болѣе.

Въ большинствѣ османскихъ лексиконовъ, даже не исключая са-

1) Pavet de Courteille, Dictionnaire Turk-Oriental. Paris, 1870, p. 16—17.

2) В. Г. Васильевскій, Op. cit., стр. 382.

маго лучшаго изъ нихъ, лексикона Редгауза, это слово ставилось въ связь съ созвучнымъ персидскимъ словомъ *тимаръ* — تیمار = «болѣзнь и уходъ за больнымъ», откуда образовалось донинѣ употребительное у турковъ слово *тимаръ-ханѣ* — تیمار خانة = «больница, вчастности больница для умалишенныхъ», какъ значится тоже въ прекрасномъ лексиконѣ Бьянки, который какимъ-то чутьемъ уразумѣлъ, что эти два омонима не имѣютъ ничего общаго между собою въ ихъ первоначальномъ происхожденіи и значеніи, и поставилъ ихъ каждый особо съ условнымъ обозначеніемъ, что одно изъ нихъ персидское, а другое, дескать, турецкое, но безъ всякихъ собственныхъ этимологическихъ или иныхъ какихъ соображеній или комментаріевъ. И нельзя было съ нимъ не согласиться, хотя очевидно было и есть, что въ словѣ *тимаръ* = «вотчина» нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ чисто турецкаго его образованія. Такъ откуда же взялся этотъ терминъ, ставшій предметомъ весьма распространенной встарину турецкой административной регламентаціи? Да, несомнѣнно, онъ явился вмѣстѣ съ возникновеніемъ того бытового явленія въ стрѣѣ зарождавшагося Османскаго государства, которое обозначалось этимъ терминомъ. Оно цѣлякомъ перешло турками отъ византійцевъ и есть не что иное какъ столь замѣтное въ византійскихъ хроникахъ *τοῦρμαρῶν*, совершенно тожественное съ турецкимъ *тимаръ*. Это уже было дѣло вкуса турецкаго народа, который даже наименованіе цѣлаго своего государства заимствовалъ отъ имени своего, даже еще не самаго перваго, предводителя Османа. Какъ апалогичное явленіе въ области подобныхъ народныхъ словообразованій я позволю себѣ привести здѣсь тотъ фактъ у прибалтійскихъ эстонцевъ-лютеранъ, что они на вопросъ, на какомъ факультетѣ Юрьевскаго университета чей-нибудь сынъ ихъ обучается, вмѣсто того, чтобы сказать, что на богословскомъ факультетѣ, отвѣчаютъ однимъ словомъ: «Пасторъ»! А такъ какъ тимары, перелицованные византійскіе турмархи, и были главными орудіями разрушенія Византійской имперіи въ рукахъ отважныхъ турецкихъ главарей въ родѣ Эртогруля и потомъ Османа, то естественно, что византійскіе турмархи вскорѣ исчезли подъ натискомъ турецкой орды въ Малой Азій, а съ ними исчезло и самое именованіе бывшихъ охранителей областей Византійской имперіи, и на

---

1) Leo Diaculus, Tactic. c. 13, § 3: κατὰ δρομάρχους καὶ κατὰ τοῦρμας. Thesaurus VII, 2328.

смѣну его даже у самихъ византійскихъ писателей стали какъ-то робко появляться *οἱ λεγόμενοι τουρμάρχοι* = «глаголемые, такъ называемые, турмархи»¹⁾, а потомъ даже прямо въ переродившемся на турецкій ладъ видѣ *τιμαράτοι καλούμενοι* заурядъ, съ старо-византійскими *ὑπαρχαὶ καὶ ἄρχοντες καὶ στρατηγοί*²⁾.

Не меньшая очевидность этой словесной узурнации со стороны турковъ, наблюдается и на другомъ изъ двухъ названныхъ терминовъ, на терминѣ *зіамэтъ*, образованіе котораго тоже представляетъ любопытную аналогическую параллель, косвенно подкрѣпляющую наши соображенія касательно перваго термина — *ταγματάρχης*.

Термину *зіамэтъ* — *زعامة*-, какъ назывались крупныя вотчины, годовые доходы съ которыхъ опредѣлялись суммою 20.000 піастровъ и болѣе, хотя и придано въ турецкихъ письменныхъ памятникахъ и лексиконахъ арабское обличіе въ начертаніи его съ помощью архиварабской буквы 'айнъ (ع), но мы тщетно бы стали искать корня его въ языкѣ арабскомъ, несмотря на то что нѣкоторые турецкіе книжники выкраиваютъ изъ него даже причастно-прилагательную будто-бы арабскую же форму *замъ* (*زاعم*) — для обозначенія владѣтеля *зіамэта*, крупной вотчины, которая жаловалась старинными турецкими султанами изъ завоеванныхъ земель своимъ сподвижникамъ съ обязательствомъ для нихъ являться по первому требованію султана въ военную ставку его и приводить съ собою вооруженныхъ всадниковъ въ количествѣ изъ расчета по одному всаднику на каждыя три тысячи піастровъ годового дохода съ вотчины. Это послѣднее обстоятельство съ несомнѣнностью указываетъ на то, что терминъ *зіамэтъ* собирательно-множественнаго значенія, подъ которымъ надо разумѣть цѣлую совокупность нѣсколькихъ болѣе мелкихъ земельныхъ участковъ, меньшей доходности, которые, какъ мы видѣли выше, назывались именемъ *тимаръ*. А звуковой составъ слова *зіамэтъ* обнаруживаетъ явную аналогію со многими греческими словами, и по формѣ и по значенію своему имѣвшими официальное номенклатурное примѣненіе у византійцевъ, каковы, напр., *στρέματα* = «гопы» или «погоны», названіе единицы мѣры участка пахатной земли³⁾, *δημοσιακὰ ζητήματα* = «казенныя взысканія», «повишности»⁴⁾ *τελέσματα* = «казенная по-

1) Const. Porphyrog. III, 17

2) Chalcocondylas, p. 441.

3) Васильевскій, въ Журн. М. Н. Пр., 1830 г., т. 210, стр. 131, 135 и др.

4) Idid., стр. 140

дать»¹⁾, *οικήματα* = «жилыя помѣщенія»²⁾, и даже, наконецъ, *κλίματα* = издавна общеизвѣстное у византійскихъ писателей названіе между прочимъ Таврическаго полуострова³⁾. Появленіе звука *з* въ началѣ слова *зіамэтз* очень легко объясняется тѣмъ, что въ турецкомъ языкѣ нѣтъ звука *φ* въ коренныхъ словахъ, а зубной выговоръ греческой *θ* также всего ближе соприкасается съ зубнымъ звукомъ *з*. Тождество же окончанія турецкаго слова *зіамэтз* съ окончаніемъ вышеприведенныхъ греческихъ терминовъ на «*ματα*» ясно до осязательности. Мало того: самое совпаденіе въ одномъ изъ наупотребительнѣйшихъ обозначеній мѣры земельныхъ участковъ въ греческой податной поменклатурѣ съ турецкою расцѣнкою *зіамэтовъ* въ *двадцать* хотя бы тысячъ піастровъ дохода съ нихъ тоже мнѣ представляется не случайнымъ. Всѣ эти признаки заставляютъ искать корня этого турецкаго слова *зіамэтз* также въ языкѣ греческомъ. Въ этихъ поискахъ приходится невольно остановиться на греческомъ терминѣ *θέμα*⁴⁾, какъ назывались у византійцевъ крупные округа, на которые дѣлились владѣнія Византійской имперіи, и о которыхъ имѣется цѣлый специальный трактатъ у Константина Багрянороднаго⁵⁾. У него даже встрѣчается варіантъ этого термина, еще болѣе, пожалуй, близкій по звукамъ къ турецкому *зіамэтз*, а именно *τὰ ἔξω θέματα* = «*provinciae ab urbe regia remotae*»⁶⁾.

Этотъ терминъ, въ видѣ ли только *θέμα* или же въ видѣ *ἔξω θέματα*, прежде чѣмъ окончательно упрочился въ турецкомъ обиходѣ и лексиконѣ, такъ же, какъ и терминъ *τουρμάρχης*, забытъ былъ самими византійцами, такъ что уже византійскій писатель Дука счелъ нужнымъ выступить на защиту его эллинскаго происхожденія слѣдующимъ заявленіемъ: *αὐτὸ γὰρ τὸ ὄνομα τοῦ θέματος ἑλληνικὸν ἐστὶ καὶ οὐ Ρωμαϊκὸν ἀπὸ τῆς θέσεως ὀνομαζόμενον*⁷⁾. «*Nomen thematis ipsum graecum est, non Romanum (id est latinum), quod a thesi (id est positione) deducitur*». «*In themata illa distributum erat Romanum imperium, quod ἐπαρχίας etiam aliquando divisum fuit; aliquando in praefecturas praetorio. Appellantur autem themata orientalia, ut idem Constantinus*

1) Ibid., стр. 143.

2) Ibid., стр. 137 и 168.

3) Васильевскій, вѣ Журн. М. И. Пр., т. 185, стр. 419

4) Anna Comnena, II, p. 240—243.

5) Const. Porphyrog., III, 17 и др.

6) Ibidem, p. 803.

7) Ducas, p. 135, 21.

docet», добавляетъ уже отъ себя европейскій комментаторъ хроники Дуки ¹⁾).

Приведенные примѣры турцификаціи греческихъ реченій взяты нами изъ языка турковъ-османовъ и ограничались въ своемъ употребленіи областью владѣній этой турецкой отрасли; теперь спрашивается, какъ же они могутъ служить аргументами для доказательства греческаго происхожденія имени *Тмутаракань*, возникшаго и обращавшагося въ предѣлахъ, значительно удаленныхъ отъ этой области? Есть ли какія-нибудь данныя, которыя бы свидѣтельствовали о томъ, что словообмѣнный процессъ совершался съ какою-либо непрерывностью на такомъ значительномъ протяженіи отъ конечныхъ границъ владѣній сформировавшагося и территориально оплотившаго османскаго государства, до противоположнаго черноморскаго побережья, пресѣкающагося Керченскимъ проливомъ?

На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, что турки османскіе стали османскими только съ начала XIV вѣка, самое большее съ конца XIII вѣка. До той же эпохи это была одна изъ многочисленныхъ кочевыхъ ордъ турецкаго племени, шатавшихся изъ мѣста въ мѣсто на вышеуказанномъ пространствѣ и извѣстныхъ исторіи болѣе всего подъ общимъ именемъ сельджуковъ. Но оптовое обозначеніе, даваемое исторією разнымъ отраслямъ ихъ не мѣшало имъ носить еще и частныя наименованія, и иногда очень своеобразно проявлять болѣе или менѣе одинаковыя свойства ихъ племенного характера и быта на разныхъ ступеняхъ своего преходящаго государственнаго строя въ разные эпохи ихъ историческаго существованія, на разныхъ точкахъ ихъ болѣе или менѣе продолжительнаго территориальнаго пребыванія. Напримѣръ, кумысь еще въ историческомъ турецкомъ памятникѣ XIV вѣка, въ исторіи Ибнъ-Биби упоминается какъ почетный напитокъ на пиршествахъ и официальныхъ сборищахъ у сельджукскихъ эмировъ Анатоліи; напивались кумыса, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, и половцы; а теперь кумысь только и въ употребленіи что у турковъ-степняковъ Средней Азіи — киргизовъ, башкиръ и т. п.: даже наши татары нынѣ выдѣлываютъ его больше для лечебнаго отпаиванія чахоточныхъ русскихъ, чѣмъ для собственнаго употребленія; османы же, прямая отрасль сельджукская, совсѣмъ никакого понятія о немъ не имѣютъ. Греческое *αὐλή* = «дворъ» у турковъ осман-

1) Ibid.

надлежащей Бел'ями, подъ заглавіемъ «Derbend-Nâme»¹⁾, съ англійскимъ переводомъ и примѣчаніями, также останавливаетъ свое вниманіе на нѣсколько странномъ сложномъ имени хазарскаго пеглевана *Hezar-Tarkhan* и главнымъ образомъ на второй изъ составныхъ частей этого имени.

Довольно голословно и опираясь только на одного позднѣйшаго крымскаго историка Мухаммеда Ризу, Казембекъ смѣло заявляетъ: «*Tarkhan* is a Tartar or rather a Mongol word, common to both languages at present»²⁾, и въ заключеніе присовокупляетъ: «We sometimes find proper names compound of this and some other word but always with the word *Tarkhan* at the end»³⁾, хотя не приводитъ ни одного примѣра подобнаго сочетанія какихъ-либо собственныхъ именъ съ прибавкою слова *тарханъ*. Въ данномъ же случаѣ, когда дѣло идетъ о фактахъ VIII столѣтія по Р. Х., не могло быть и рѣчи о какомъ-то татарскомъ, а тѣмъ менѣе монгольскомъ титулѣ или имени «*тарханъ*»: здѣсь несомнѣнно надо обратиться къ тому же источнику, откуда произошло имя *Тмутаракань*, т. е. къ источнику греческому. Комбинація *Гезаръ-Тарханъ*, очевидно, получилась чрезъ соединеніе греческаго — ἀρχὴς съ персидскимъ *гезаръ* = «тысяча» при участіи византійскаго же термина χιλιάρχος = «тысяченачальникъ», бывшаго въ житейскомъ обращеніи рядомъ съ ταγματάρχης и множествомъ другихъ всевозможныхъ *арховъ*⁴⁾. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять въ соображеніе, что хазаре въ тѣ времена находились въ непрерывномъ общеніи съ византійцами съ одной стороны и персами съ другой стороны, и взаимное пользованіе ходячими тогда терминами у нихъ было весьма естественнымъ явленіемъ. Въ официальныхъ переговорахъ византійцевъ съ персами, говоритъ Менадръ, всегда участвовали «переводчики обѣихъ сторонъ и переводили взаимныя рѣчи посланниковъ и были истолкователями ихъ мыслей»⁵⁾. Договорныя грамоты писались на греческомъ и на персидскомъ языкахъ: «Послѣ многихъ споровъ», читаемъ мы у Менадра, «написанъ былъ договоръ о пятидесятилѣтнемъ мирѣ на персидскомъ и эллинскомъ языкахъ; эллинскій договоръ переведенъ на персидскій языкъ, а персидскій на эллинскій...

1) Op. cit., p. VII.

2) Derbend-Nâme, p. 190.

3) Ibid., 191.

4) См. примѣры выше, стр. 31.

5) Op. cit., стр. 334.

взаимныя условія по написаніи ихъ сличены были между собою, дабы слова и мысли имѣли одинаковый смыслъ¹⁾... «Когда все это было принято и приведено въ порядокъ, приставленные къ сему дѣлу внесли грамоты въ двѣ книги и рассмотрѣли со вниманіемъ мысли, сравнивая въ точности слова и силу каждаго слова...; притомъ двѣнадцать переводчиковъ, шесть римлянъ и столько же персовъ, выдали взаимно другъ другу мирный договоръ; писанный по-персидски выданъ Зихомъ Петру, а Петръ выдалъ Зиху писанный по-эллински»²⁾. Далѣе въ исторіяхъ повѣствуется, что однажды со стороны арабовъ былъ отправленъ нѣкій Ездекъ, происходившій изъ персидской царской фамиліи, главный воинъ, который *зналъ хазарскій языкъ*, въ хазарскій станъ со шпіонскимъ порученіемъ извѣстить осажденный Дербентъ о скоромъ прибытіи на выручку сильнаго арабскаго отряда, что ему и удалось при помощи знанія хазарскаго языка³⁾. Другой подобный лазутчикъ, переодѣтый въ хазарскую одежду, пробрался въ ставку хазарскаго военачальника, чтобы убить его⁴⁾. Эти факты свидѣтельствуютъ о томъ срединномъ положеніи турковъ-хазаръ, которое они занимали между византійцами и персами, въ постоянныхъ, большею частью враждебныхъ, столкновеніяхъ съ тѣми и другими.

Но что при этомъ имя хазарскаго пеглевана *Гезаръ-Тарханъ* не было личное имя, а было лишь добавочное характеристическое прозвище, это явствуетъ изъ того, что у тѣхъ же историковъ встрѣчается еще и другое аналогичное прозвище *Гезаръ-Мардъ* (= «Тысяча человекъ»), которое послалъ какой-то пеглеванъ царя Хосрау II, посланный имъ во главѣ 800 каторжниковъ, и котораго настоящее имя было Вагризъ, вслѣдствіе чего Нюльдеке въ своемъ изложеніи исторіи Табари передаетъ арабскій текстъ, касающійся этого эпизода, такъ: «Chosrau gab diesen (800) zu Führer einen seiner Ritter Namens Wahriz, welchen er selbst 1000 Rittern gleichzählte»⁵⁾; а въ другомъ мѣстѣ еще такъ: «Der Kaiser (Mauricius) seinen Bruder Theodosius mit 60.000 Soldaten sandte, an ihrer Spitze einen mann Namens Sergius .. und noch einen

1) Ibid., 341—342.

2) Ibid., 341.

3) Derbend-Nâmeh, p. 178, rem. 57. Chronique de Tabari, trad. par Zotenberg. Nogent-le-Rotrou 1874, T. IV, p. 278.

4) Ibid., p. 279.

5) Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber, aus d. Arab. Chronik des Tabari übersetz. Leyden 1879, S. 230.

Mann, dessen Kraft der von 1000 Männern gleich kam»¹⁾, сопровождая свой переводъ такимъ примѣчаніемъ: «Häzarmard ist als der bestimmte Name für einen tapfern Helden, vielleicht ein vom König verliehner Titel—ein Mann, der 1000 Männern gleich kam und ähnliche Umschreibungen des «Tausendmannes» bei Andern»²⁾).

То, что очевидно изъ приведенныхъ примѣровъ для прозвища *Гезаръ-Мардъ*, можно смѣло примѣнить и къ мнимому имени хазарскаго пеглевана *Гезаръ-Тарханъ*, т. е. что это также было не личное имя, а лишь прозвище, подъ которымъ онъ слылъ въ хазарскомъ народѣ, а затѣмъ и у сосѣднихъ персовъ, которые, можетъ быть, даже сами первые придали его ему, употребивъ для этого свое персидское *гезаръ* = «тысяча» и ходячее слово *тарханъ*, только не турецкое, а вылившееся изъ византійскаго *χιλιάρχης*, посредствомъ перевода первой половины его персидскимъ *гезаръ* и обличовки второй половины его изъ другихъ греческихъ производныхъ, какъ *τοπάρχης*, *θεματάρχης*, и т. п.

Здѣсь мы невольно сталкиваемся съ фактомъ одновременнаго возникновенія, рядомъ съ именемъ *Тмутаракань*, и весьма извѣстнаго и въ нашей русской исторіи и литературѣ титуломъ *тарханъ*, на одной и той же почвѣ, гдѣ издавна стояли бокъ-о-бокъ съ византійскими греками народности турецкаго корня, и главнымъ образомъ хазаре. Этотъ титулъ, будучи греческаго корня, съ теченіемъ времени отатарился, встрѣтившись, вособенности въ эпоху Тамерлана, съ настоящимъ турецкимъ словомъ *Тарханъ*, служившимъ собственнымъ именемъ одного изъ многочисленныхъ турецкихъ племенъ Средней Азій. Отлагая до особаго по этому вопросу спеціальнаго изслѣдованія болѣе подробныя и обстоятельныя доказательства, въ настоящій разъ ограничусь указаніемъ на тотъ замѣчательный фактъ, что слово *тарханъ*, какъ оно воспроизведено въ Дербендъ-Намэ, т. е. въ турецкомъ изводѣ историческихъ повѣствованій какъ арабскаго писателя Табари такъ и персидскаго Белями, въ подлинныхъ текстахъ этихъ авторовъ писалось, а слѣдовательно и произносилось не *тарханъ*, а *тархонъ* — *طرحون*³⁾, что и было первою стадією турецкой передѣлки греческаго *αρχης* съ его алтернативомъ *αρχος*, или *αρχων*, во вторую

1) Ibid., 284.

2) Ibid., Bem. 21.

3) At-Tabari, Annales. Ed. H. G. de Coeje. Lugd. Bat. 1883—1885, 2 Series, T II, p. 1146, 1147, 1152, 1153, 1156, 1158—1160, 1162, 1204, 1205, 1229, 1230, 1242, 1249. Chronique de Tabari, trad. par Zotenberg, IV, 279, 289.

стадію — *тархінъ*, окончательно усвоенную турками и навсегда упрочившуюся въ ихъ письменности официальной и исторической и въ этомъ своемъ видѣ перешедшую въ позднѣйшую письменность арабскую, персидскую и даже, наконецъ, въ русскую.

Теперь, въ заключеніе, сводя все вышеприведенныя лингвистическія данныя съ фактами византійской исторіи, можно установить такую послѣдовательность въ процессѣ возникновенія составляющаго главный предметъ нашего изслѣдованія имени *Тмутаракань*, т. е. въ процессѣ преобразованія греческаго имени дѣйствующаго лица въ географическій терминъ, съ теченіемъ времени превратившійся въ собственное имя какого-то невѣдомаго города, который давно ученые все ищутъ и доискаться не могутъ.

Когда окраины византійскихъ владѣній простирались до нынѣшней Кубанской области, управленіе ими ввѣрено было пограничному военачальнику, титуловавшемуся *тагматархомъ*, отчего и самая подначальная ему мѣстность могла въ обыденномъ языкѣ именоваться *тагматархією*, наподобіе того какъ и у насъ, по преемству отъ той же Византіи ¹⁾, образовался административно - географическій терминъ, существующій донынѣ въ практикѣ, *эпархія*, или даже *спархія*. Именемъ *тагматархія*, легко и въ греческомъ первообразѣ звучавшимъ просто *таматарха* — *ταμάταρχα* — обозначалась попреимуществу резиденція тагматарха, каковую составлялъ *хастрон* ²⁾, т. е. укрѣпленный пунктъ, вокругъ котораго имѣли свое, большею частью непрочное, недолговѣчное пребываніе подвластные ему насельники, главнымъ образомъ прихлынувшіе изъ степей Азіи турецкіе кочевники съ своими кибитками, арбами и табунами.

Эти послѣдніе, понуждаемые необходимостью постоянного отысканія подножнаго корма для своего скота, должны были непрерывно расползаться по доступной имъ во все стороны территоріи со своими табунами, пока они не добивались до какой-нибудь естественной преграды ихъ дальнѣйшему передвиженію, въ родѣ какой-нибудь большой рѣки. Въ южныхъ предѣлахъ нашей теперешней Россіи такими естественными для прежнихъ степняковъ преградами были рѣки Волга, Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ и Дунай. Въ эпоху прихлы-

1) Constant, Porphyg., t. III, 390—397

2) Ibid., t. III, p. 181: Ταμάταρχα λεγόμενον χαστρον ἐστὶ. — Ф. Н. Успенскій въ Журн. М. Нар. Пр., 1883 г., т. 225, стр. 85. Бурачковъ въ Жур. М. П. Пр., т. 192, стр. 249.

путія турецкихъ ордъ разныхъ отраслей—хазарской, половецкой и др., къ кавказской окраинѣ Византійской имперіи такою рѣкою, составившею въ продолженіе нѣкотораго времени пограничную черту между ними, была рѣка *Куръ*, которая и прежде всегда такъ называлась и доселѣ у мѣстныхъ жителей называется, судя по частымъ упоминаніямъ о ней у византійскихъ, армянскихъ и другихъ лѣтописцевъ, и только въ нашихъ географіяхъ стала называться Курю. Вотъ что мы читаемъ у Меландра: «Римскіе военачальники опять вступили въ Алванію, заставили савировъ и алвановъ переселиться по сю сторону рѣки *Кири* и впредь оставаться въ римской странѣ» ¹⁾. Это произошло послѣ того какъ персы раньше римскихъ полководцевъ вторглись въ Персидскую Арменію, и савиры, пользуясь случаемъ, свергли господство римлянъ, положившихся на взятыхъ у этихъ народовъ заложниковъ ²⁾. Что же этотъ фактъ даетъ намъ въ изслѣдуемомъ нами вопросѣ? А то, что тѣсняемая со всѣхъ сторонъ нахлынувшими варварскими ордами, Византійская имперія ступила на путь прирученія передовыхъ варварскихъ племенъ, вплотную приближавшихся къ ея границамъ, путемъ задабриванія ихъ регулярными денежными и иными подачками и даже колонизаціею ихъ на своихъ собственныхъ приграничныхъ земляхъ съ предоставленіемъ имъ извѣстныхъ льготъ ³⁾. Такъ было дѣло съ аvaraми, относительно которыхъ императоръ Юстиніанъ наказывалъ своему полководцу въ Ларикѣ: «Полезно будетъ тебѣ принять аваровъ въ союзники и пріобрѣсть въ нихъ отличныхъ защитниковъ; но они только въ такомъ случаѣ будутъ въ дружескихъ связяхъ съ Римскою державою, если будутъ получать отъ тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно, и *будутъ поселены тобою на плодородной землѣ*» ⁴⁾. Точно той же политики держались византійцы, водворяя многочисленныя толпы славянскихъ поселенцевъ въ Вноивіи, надѣясь получить въ славянской общинѣ твердый оплотъ отъ напора турковъ ⁵⁾. Можно съ увѣренностью принять, что этотъ же колонизаторскій пріемъ имѣлъ свое примѣненіе и въ вышеуказанномъ, упоминаемомъ у Меландра, случаѣ перемѣщенія римскими полководцами племенъ савировъ и алвановъ за рѣку Куръ на свою сторону, получившую у переселен-

1) Меландръ, въ перев. Дестуниса, стр. 411—412.

2) Ibid, 411.

3) Constant. Porphyrog., De gentibus, оглавл. къ гл. 42, и др. Такъ цитов. у Спидына, стр. 123.

4) Меландръ, въ перев. Дегуниса, стр. 322. О. П. Успенскій, Loc. cit., 338.

5) Ibid.

цовъ спеціальное обозначеніе *Тагматархіи*, или, короче, *Тагматархи*, т. е. стороны, находившейся подъ властью пограничнаго военачальника тагматарха, въ отличіе отъ земель по ту сторону той же рѣки, выпавшей изъ-подъ этой власти вслѣдствіе захвата ея надвигавшимися турецкими ордами. Такая порубежная черта, какъ рѣка Куръ, была въ глазахъ людей того времени весьма надежною естественною преградой отъ нашествія непріятелей; тотъ же пограничный полководецъ Юстиніана, по словамъ Менадра, «заботился объ охраненіи на рѣкѣхъ персправы»¹⁾. Вотъ тутъ-же, т. е. по сую стороны рѣки Куръ, византійскимъ тагматархомъ непременнo долженъ былъ быть сооруженъ какой-нибудь острогъ, служившій укрѣпленною резиденціею пограничнаго областного правителя, носившій то же, что и его обитатель, названіе *Тагматархи*, превратившейся въ русскомъ отзвучіи въ *Тмутаракань*. И такихъ Тагматархъ-Тмутараканей въ указанныхъ земляхъ, прилегавшихъ къ р. Куру, могло быть даже нѣсколько, по мѣрѣ того какъ усиливался натискъ турецкихъ ордынцевъ, передъ которыми вынуждена была мало-по-малу отодвигаться территориальная граница византійскаго владычества, вплоть до новой водной преграды, образуемой такъ называемымъ Босфоромъ Коммерійскимъ, или, понынѣшнему, Керченскимъ проливомъ. На существованіе такихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ укрѣпленій указываетъ приведенная у того же Менадра осьмая статья мирнаго договора между византійцами и персами, въ которой говорится: «Ни въ которомъ государствѣ впредь не дѣлать укрѣпленій, т. е. не обводить стѣною какого-либо мѣста на границахъ, и тѣмъ не подавать повода къ безпокойству, отъ чего миръ могъ бы быть нарушенъ»²⁾.

Въ то время, когда отвага нашихъ русскихъ князей Ростислава и потомъ Мстислава заводила ихъ въ жаждѣ богатырскихъ набѣговъ на крайнюю инородчину въ такія отдаленныя отъ коренной русской земли мѣстности, какъ Таманская Тмутаракань, надо полагать, что эта послѣдняя сплошь до самаго пролива была покрыта пришельцами турецкаго племеннаго происхожденія до хазарь и половцевъ включительно. Миѣ кажется, что изъ всѣхъ прежнихъ изслѣдователей Тмутаракани всѣхъ ближе подходилъ къ истинѣ не кто другой какъ М. П. Погодинъ: поставленные имъ по этому предмету вопросы:

1) *Loco cit.*, 327.

2) Менадръ, стр. 343—344

«Какимъ образомъ Ростиславъ могъ овладѣть ею? Почему испугались Греки такого сосѣдства? Какъ объясняются непрерывныя отношенія Мстислава и Ростислава къ Ясамъ, Косогамамъ и Половцамъ? Отчего пропало имя ея послѣ усиленія Половцевъ?» такъ и не получили должныхъ отвѣтовъ у всѣхъ послѣдующихъ ученыхъ, устремлявшихъ всѣ свои усилія лишь на отысканіе того мѣста, гдѣ находилась Тмутаракань, будь то городъ или даже цѣлое княжество. Попробуемъ мы отвѣтить на эти вопросы съ нашей точки зрѣнія, и для этого примемъ во вниманіе такія соображенія.

Вопервыхъ слишкомъ большое придается значеніе наименованію Тмутаракани въ нашихъ лѣтописяхъ городомъ. Откуда наши лѣтописцы могли имѣть объ этомъ точное и опредѣленное понятіе? Конечно, они писали это ваобумъ, по наслышкѣ. Самый слухъ, даже не преданіе, а тѣмъ паче не исторической фактъ, что еще Владиміръ Святой посадилъ въ 988 году Мстислава княземъ въ Тмутаракани, былъ не болѣе какъ слухъ, судя по тому оптовому перечню городовъ, по которымъ посадилъ онъ 12 сыновъ своихъ ¹⁾, и еще по той то же огульной прибавкѣ лѣтописца, лишенной всякаго фактическаго значенія, вслѣдъ за означеннымъ перечнемъ, что, молъ, «Рече Володимеръ: «Се не добро, еже мало городовъ около Кіева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви» ²⁾. Какъ это, подумаешь, было просто: показалось Владиміру мало городовъ, и онъ давай ставить ихъ. Оно, можетъ быть, и похоже на правду, но на правду, такъ сказать, типическую, а не строго фактическую: захотѣлъ и ставилъ вообще города; но таковскіе же были и города, что лѣтописецъ не сохранилъ даже имени ни одного изъ нихъ, какъ онъ нѣсколько строкъ ниже называетъ «градъ Бѣлгородъ», который «Володимеръ заложилъ... и наруби въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людей сведе въ онъ: бѣ бо любя градъ съ» ³⁾. Эти наскоро ставившіеся тогдашними князьями города, ставки были, можно съ увѣренностью полагать, не болѣе какъ сторожевыми острогами отъ безпрестанныхъ набѣговъ печенѣговъ ⁴⁾. Въ такомъ же родѣ нѣкоторое время могла быть и Тмутаракань въ далекой непріятельской

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. третье Археогр. Ком. СПб. 1897, стр. 108.

2) Лѣтопись, стр. 119.

3) Ibidem.

4) Ibidem и еще стр. 240, 379, 488.

сторонѣ, въ родѣ тѣхъ половецкихъ ставокъ, про которыя также наша лѣтопись говоритъ огульно, безъ поименованія ихъ: «Они (половцы), възвратишася со многымъ полономъ в вежѣ» ¹⁾. Всѣ остальные лѣтописныя упоминанія о Тмутаракани, какъ напр. въ разсказѣ о единоборствѣ Мстислава съ Редедю ²⁾, о водвореніи въ Тмутаракани Глѣба отцомъ его Святославомъ, объ изгнаніи оттуда Глѣба Ростиславомъ и объ отравленіи послѣдняго греческимъ котопаномъ ³⁾, о бѣгствѣ туда Олега зачѣмъ-то съ битвы и Бориса изъ Чернигова къ какому-то Роману ⁴⁾, котораго убили половцы, о водвореніи тамъ Всеволодомъ посадника Ратибора, котораго прогнали Давыдъ Игоревичъ съ Володаремъ Ростиславичемъ и сами тамъ засѣли, пока туда не явился Олегъ изъ Грекъ, забравъ ихъ и самъ засѣлъ тамъ ⁵⁾, а потомъ чрезъ нѣсколько времени явился съ половцами у Чернигова ⁶⁾— всѣ эти какія-то разбросанныя, отрывочныя не то легенды, не то просто слухи, совершенно ничего не говорятъ за то, чтобы существовалъ непременно какой-то городъ Тмуторокань, не извѣстно кѣмъ созданный и неизвѣстно даже кому принадлежавшій: тамъ упоминаются и хазаре, и печенѣги, и половцы, и касоги, и, наконецъ, русскіе: всѣ куда-то туда, въ Тмуторокань, убѣгаютъ, пробудутъ тамъ короткое время и снова оттуда возвращаются на Русь, и все это на протяженіи очень незначительнаго времени; точно въ какомъ-то калейдоскопѣ мелькаютъ передъ вами всѣ эти князья съ ихъ дружинами; всѣ эти иноплеменники, съ которыми они то дерутся, то мирятся и дружатъ, и даже заодно съ ними совершаютъ набѣги на свое русское отечество. Могло ли все это происходить въ какомъ-то, въ чьемъ-то опредѣленномъ городѣ? Могло ли все это происходить, скажемъ, даже въ какомъ-то и чьемъ-то княжествѣ, если бы дѣйствительно существовалъ на самомъ дѣлѣ такой городъ или существовало чье-то такое княжество? Вѣдь во всѣхъ лѣтописныхъ упоминаніяхъ о Тмутаракани она кажется какою-то безхозяйною мѣстностью, чѣмъ-то въ родѣ *res nullius*, по которой топчутся или проходятъ всѣ кто хочетъ, безъ всякой съ чьей-либо стороны помѣхи и сопротивленія. А это станетъ понятнымъ, если мы согласимся съ тѣмъ положеніемъ, что Тмутаракани не было ни города, ни княжества,

---

1) Ibid., стр. 379.

2) Ibid., 143.

3) Ibid., 160—162.

4) Ibid., 193.

5) Ibid., 195, 198.

6) Ibid., 218.

а что подъ этимъ наименованіемъ слыла въ тѣ отдаленныя времена вообще вся мѣстность, которая наводнялась искони и на протяженіи долгаго времени бродячими выходцами изъ Азіи, и преимущественно турецкими кочевниками, имѣвшими свои племенные наименованія. И какъ только пришелъ конецъ такому шатанію тамъ взадъ и впередъ этихъ племенъ, такъ пропадаетъ куда-то и Тмутаракань, утратившал значеніе такого безхозяйнаго проходнаго этапа для азіатскихъ выходцевъ.

А что лѣтописцы наши воображали себѣ Тмутаракань не то городомъ, не то княжествомъ, такъ это имъ извинительно было воображать при такой громадной отдаленности этой мѣстности отъ Руси, ядромъ которой почитался тогда городъ Кіевъ. Что же дивиться географическому невѣденію лѣтописцевъ, касавшихся, и то мимоходомъ, случайно, какой-то Тмутаракани, когда сравнительно въ болѣе позднюю эпоху въ тѣхъ же лѣтописяхъ читаемъ такія выраженія: «Въ томже (1116) лѣтѣ Ярополкъ ходи на Половчскую землю, къ *рѣцѣ зовомѣй Донъ*» ¹⁾, показывающія, что даже ближайшія географическія имена, какъ р. Донъ, и то казались тогда не столь общеизвѣстными, такъ что къ нимъ требовалось прибавлять эпитетъ *зовомѣй*.

Гораздо важнѣе и даже несравненно цѣннѣе въ занимающемъ насъ вопросѣ лѣтописныхъ отрывочныхъ показаній о Тмутаракани упоминанія о ней въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, въ особенности три изъ нихъ, изъ коихъ два немалую задали задачу для догадокъ и дошлости многихъ ученыхъ. Къ нимъ же слѣдуетъ отнести еще одно упоминаніе, хотя только косвеннымъ образомъ касающееся Тмутаракани и также ставшее предметомъ мудреныхъ толкованій.

Если брать по порядку, то первое упоминаніе находится въ томъ мѣстѣ *Слова*, гдѣ говорится: «Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати *земли незнаемъ*: Влзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, *Тматороканскій* блъванъ». Особенно много написано объ этомъ болванѣ; и какихъ - только догадокъ не сдѣлано о немъ, до самой наивной догадки г. Струкова, усмотрѣвшаго этого удивительнаго болвана въ одной скалѣ Крымскаго побережья близъ Керчи и даже сфотографировавшаго привидѣвшагося ему въ этой скалѣ окаменѣлаго великана ²⁾.

1) Лѣтопись, стр. 276.

2) Мнѣ это извѣстно изъ личныхъ бесѣдъ съ г. Струковымъ, подарившимъ мнѣ свой фотографическій снимокъ съ мнимаго «Тмутараканскаго болвана»; но это же мнѣніе о болванѣ высказано во «Всемирной Иллюстраціи» 1885, № 872, стр. 240. Статья

Менѣ всѣхъ подходитъ къ истинѣ толкованіе слова *болванъ* въ смыслѣ *волны* Сенковского, за нимъ Иловайскаго—въ смыслѣ *пролива* и, наконецъ, двухъ ориенталистовъ П. М. Меліоранскаго и за нимъ В. В. Радлова, старавшихся вывести *болвана* изъ какого-то орхонскаго слова *балбал*.—«изваяніе или столбъ съ надписью». Я уже давно имѣлъ случай печатно высказать тотъ взглядъ, что подъ *болваномъ* въ *Словѣ о полку Игоревѣ* слѣдуетъ разумѣть лишь незначительно измѣненное персидское *пэлэванъ*, что значитъ «силачъ, атлетъ, богатырь», который въ *Словѣ о полку Игоревѣ* специализованъ прибавленіемъ эпитета *Тмуготороканскій*. Этотъ эпитетъ даетъ поводъ предполагать, здѣсь какого-нибудь знаменитаго въ свое время поединщика, въ родѣ того, который въ другомъ мѣстѣ «*Слова*» названъ своимъ настоящимъ именемъ, когда въ *Словѣ* говорится, что храбрый Мстиславъ «зарѣза Редедю предъ пълкы Касожскими»¹⁾. Въ тѣ времена битвы начинались всегда предварительнымъ поединкомъ двухъ голіафовъ, по одному изъ каждаго враждебнаго лагеря. Эти единоборцы у турковъ, въ ихъ старинныхъ памятникахъ, также назывались *пэлэванами*. Переходъ же слова *пэлэванъ* въ *болванъ* въ русскомъ заимствованіи настолько простъ и очевиденъ, что, мнѣ кажется, не стоило г. Меліоранскому употреблять столько фонетическихъ ухищреній, чтобы доказать тождественность слова *болванъ* съ орхонскимъ словомъ *балбал*²⁾, а Ѳ. Е. Коршу³⁾ не было особой надобности громоздить такую груду фонетическихъ сопоставленій только для того, чтобы окончательно опровергнуть гипотезу обоихъ орхонологовъ.—Меліоранскаго и Радлова⁴⁾.

Я лично остаюсь при своемъ прежнемъ убѣжденіи, столь доказательно поддержанномъ и Ѳ. Е. Коршемъ, которое у меня основывалось, кромѣ лексическаго значенія и происхожденія слова *болванъ*, главнымъ образомъ, на томъ, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ «*Слова о полку Игоревѣ*» имѣлось въ виду *лицо*, а не *мѣстность*, какъ это

никѣмъ не подписана, но, можетъ быть, принадлежала тому же Струкову. Ссылаюсь на цитату Е. Барсова въ его соч. «Слово о полку Игоревѣ» какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси». Т. III, Москва 1890, стр. 26.

1) В. Д. Смирновъ, Турецкія легенды о Св. Софіи и о другихъ византійскихъ древностяхъ. СПб. 1896, стр. 97, примѣчаніе.

2) Меліоранскій, Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» СПб. 1902, стр. 2—10 и его же «Вторая статья» СПб. 1905, стр. 3—16.

3) Коршъ, Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ», I—VIII, СПб. 1904, стр. 1—32, и его же «По поводу второй статьи», СПб. 1906 г., стр. 3—18.

4) Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. St. Petersburg 1895, Ss. 234—235.

показываетъ обращеніе въ звательномъ падежѣ, да еще съ предшествующею добавкою личнаго мѣстоименія *тебѣ* (Тьмутороканскій бльванъ), которое совершенно и отдѣляетъ его отъ предыдущихъ именъ географическихъ — «Влѣзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню», подобно тому какъ и въ другомъ мѣстѣ *Слова* читаемъ: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо. Далече залетѣло. Не было въ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни *тебѣ*, чръный воронъ, *поганый Половчине*». Здѣсь такъ же не названъ своимъ настоящимъ именемъ нѣкій *поганый половчинецъ*, какъ и «Тьмутороканскій бльванъ», очевидно, по той простой причинѣ, что для современниковъ составителя *Слова о полку Игоревѣ* ясно было, на кого эту недомолвкою намекалось, можетъ быть на того же Кончака или Гзака, которые упоминаются въ другихъ мѣстахъ поэмы. ¹⁾

Тутъ, въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ *Слова* важнѣе всего то, что «Тьмутороканскій бльванъ» не сопоставляется съ предшествующими ему географическими мѣстностями, а противопоставляется имъ, какъ это, на мой взглядъ, вытекаетъ изъ предположенія личнаго мѣстоименія *тебѣ* при первомъ имени и изъ оговорки «земли незнаемъ», предпосланной остальнымъ пяти именамъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что для автора *Слова* всѣ эти мѣста были землею неизвѣстной; но на этомъ, да еще неоднократно упоминаніи имъ Тмутаракани трудно съ рѣшительностью полагать, какъ это полагалъ одинъ изъ изслѣдователей, г. Малышевскій, что авторъ «Слова» бывалъ и живалъ (даже живалъ!) въ древней Тьмуторокани, у азовско-черноморскаго побережья; . . . что «авторъ *Слова* — человекъ бывалый?» ²⁾. Уже покойный и незабвенный мой другъ и товарищъ, талантливый и вдумчивый ученый, профессоръ И. Н. Ждановъ, оспаривая вышеприведенное предположеніе г. Малышевскаго вообще о бывалости автора *Слова*, какъ нѣсколько преувеличенное, тѣмъ не менѣе цѣликомъ выписываетъ слѣдующее, весьма важное для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній, его разсужденіе безъ всякой съ своей стороны критики, а скорѣе, съ одобрительною предвзвѣтною оговоркою. Что касается именно *Тьмуторокани*, то пребываніе въ ней автора *Слова* имѣетъ, по соображеніямъ г. Малышевскаго, *особенную важность*. «Теперь дознано, что византий-

1) Оп. citat.

2) И. П. Ждановъ, «Литература Слова о полку Игоревѣ». Кіевъ, 1880, стр. 39.

ская письменность замыкалась въ предметы религіознаго содержанія далеко не настолько, какъ думали прежде; что въ предѣлахъ Византіи существовала довольно широкая свѣтская литература и поэзія, держалась даже народная поэзія въ сказкахъ, пѣсняхъ, похожихъ на наши... У черноморскаго и азовско-черноморскаго побережья греческая окраина сближалась съ русскою. Здѣсь особенно могли сближаться, передаваться, перениматься элементы для такихъ созданій, какъ наше «Слово». Отсюда могъ вынести авторъ его какъ письменные образцы для своего произведенія, такъ и самую склонность обставлять его образами миѳической древности» ¹⁾). Последнее разсужденіе г. Малышевскаго, подкрѣпляемое молчаливымъ одобреніемъ И. Н. Жданова, я считаю чрезвычайно цѣннымъ при разсмотрѣніи другого мѣста въ «Словѣ о полку Игоревѣ», а именно: «Всеславъ князь... самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше, изъ Кіева дорыскаше до *Куръ Тмутороканя*» т. е. по нашему, до Тмутараканской Куры.

Выраженіе *до Куръ* встрѣтило менѣе разногласія въ пониманіи его значенія, чѣмъ *Тмутараканскій болванъ*; начиная съ толкованія, впервые даннаго Карамзинымъ, въ смыслѣ *до птуховъ*, какъ предвѣстниковъ разсвѣта. Полный перечень всѣхъ толкователей этого мѣста *Слова о полку Игоревѣ* данъ Е. Барсовымъ въ цитованномъ у насъ его изслѣдованіи, куда и могутъ желающіе обращаться за провѣрочными справками ²⁾). Для цѣли настоящаго изысканія я считаю достаточнымъ здѣсь ограничиться лишь указаніемъ на тотъ фактъ, что не всѣ поголовно ученые изслѣдователи раздѣляютъ толкованіе Карамзина: были и такіе, которые не удовлетворялись этимъ толкованіемъ и дѣлали попытки подыскать другое. Вотъ на этихъ-то попыткахъ мы и остановимъ вниманіе.

Общее во всѣхъ этихъ попыткахъ то, что всѣ онѣ клонились къ пониманію выраженія *до Куръ* въ смыслѣ географическомъ. Такъ, Мусинъ-Пушкинъ перевелъ его: «до Курска-Тмутараканя». Маиновскій повторилъ этотъ переводъ. Шишковъ не соглашался на такое опредѣленное приуроченіе къ Курску ³⁾). Зато другіе ученые старались объяснить выраженіе *до Куръ* въ смыслѣ не опредѣленнаго географическаго собственнаго имени, а въ значеніи жилого мѣста, поселенія

1) Loco citato.

2) Барсовъ, Op. cit., стр. 417—419.

3) Ibid., стр. 417.

вообще. Эрдманъ сближалъ его съ арабскимъ словомъ *кура* (قُرَى), множ. ч. отъ единств. *карийетунъ* (قَرِيَّةٌ) = *деревня*, или вообще, открытое мѣсто, обитаемое, и переводить все мѣсто *Слова* такъ: «вплоть до Тмутараканскихъ жилищъ»¹⁾. Снегиревъ сближалъ слово *Куръ* съ словомъ *Курень*, что значить селеніе²⁾; Кораблевъ болѣе рѣшительно высказался: «Ясно, что *Куръ* значить здѣсь «дымъ, курень, жилье»³⁾. Того же мнѣнія держался и Мей, а именно: «Слова подлинника «до Куръ Тматороканя» возможно перевести «Тмутараканскими Куренями» — выраженіемъ, перешедшимъ къ намъ съ того юга, гдѣ была Тмутаракань»⁴⁾. Вельтманъ сперва думалъ, что надо читать не *до Куръ*, но *до Куръ*, т. е. до дворовъ, до жилищъ, и даже еще *до границъ*, а потомъ тоже склонился къ пѣтухамъ⁵⁾. Дубенскій призналъ въ словѣ *куръ* не русское его происхожденіе и сопоставилъ его съ греческими *γυρα* (γυροςъ) «округъ», и даже *хѣрасъ-Sinus Ceraticus* = «заливъ около гавани Константинопольской», встрѣчающимися у Константина Багрянороднаго⁶⁾; Головинъ сблизилъ съ греческимъ же *хѣриосъ* = «господинъ», допустивъ версію «Господинъ Тматороканъ», на манеръ того какъ говорилось встарину «Господинъ Великій Новгородъ», заподозривъ въ первомъ изданіи *Слова* ошибочность начертанія *Куръ*, происшедшую оттого, что греческое у = ъ было прочтено какъ оу = оу⁷⁾. Наконецъ, Буслаевъ остался въ недоумѣніи, «означаетъ ли здѣсь *куръ* пѣтуха, или же служитъ выраженіемъ греческаго *хѣриосъ*»⁸⁾, а Погодинъ не остановился твердо ни на какомъ толкованіи, ограничившись простымъ повтореніемъ разнообразныхъ чужихъ мнѣній⁹⁾.

Такое разногласіе въ пониманіи слова *Куръ* и вособенности нерѣшительность такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ Погодинъ и Буслаевъ, позволяетъ думать, что вопросъ о значеніи этого слова еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, чтобы не оставалось уже болѣе мѣста для дальнѣйшихъ изысканій и соображеній, къ которымъ мы и обратимся теперь.

1) Эрдманъ, Слѣды азіатизма въ Словѣ о пльку Игоревѣ, въ Журн. М-ва Народ. Просв. 1842, № 10, стр. 20—21.

2) Цит. у Барсова, Op. cit., стр. 417.

3) Ibid., стр. 419.

4) Ibidem.

5) Цит. у Барсова, Op. cit., 417.

6) Ibid., стр. 417.

7) Ibidem.

8) Ibid., 418.

9) Ibidem.

Если считать не подлежащимъ теперь сомнѣнію тотъ фактъ, признаваемый нашими выдающимися учеными, какъ Вс. Миллеръ и А. Веселовскій, изъ коихъ первый категорически высказывается, что «авторъ *Слова* не представляется необычайнымъ, исключительнымъ явленіемъ: онъ является скорѣе представителемъ литературнаго направленія, быть можетъ основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образовъ южно-русской поэтической рѣчи»; а второй пишетъ: «Что авторъ *Слова* былъ человѣкъ грамотный, воспитавшійся на книжныхъ произведеніяхъ своего времени, это неоспоримо», и что *Византійская литература* знакома была автору *Слова*»¹⁾, то можно считать себя вправѣ принять къ руководству это послѣднее обстоятельство, т. е. знакомство автора *Слова* съ византійскою литературою, откуда имъ и могли быть тѣмъ или инымъ путемъ почерпнуты нѣкоторые термины, и притомъ большею частью термины географическіе. Подъ вліяніемъ также не невозможной въ авторѣ *Слова* бывалости и даже непосредственнаго знакомства съ азовско-черноморскимъ побережьемъ²⁾, въ связи съ признаваемымъ за нимъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и художественнымъ вкусомъ и умѣньемъ пользоваться старыми словесами для украшенія своего произведенія³⁾, «черпать мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ записѣ его памяти»⁴⁾, эти термины могли въ его употребленіи получить такую, нѣсколько, можетъ быть, своеобразную, окраску, которая ничуть не затемняла реальнаго смысла тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти термины вставлены, для современниковъ автора, но явились камнями преткновенія для читателей позднѣйшаго времени до нашего XX вѣка включительно.

Вотъ, принимая все вышеизложенное во вниманіе, я и прихожу къ тому заключенію, что слово *Куръ* въ рассматриваемомъ мѣстѣ *Слова о полку Игоревѣ* не означаетъ пѣтуховъ, къ которымъ авторъ будто бы прибѣгъ для измѣренія времени въ быстромъ рысканьи князя Всеслава въ Тмутараканскую даль, а оно есть географическій терминъ, выбранный авторомъ для указанія на огромную дальность разстоянія пространства, перерыскааннаго Всеславомъ всего лишь въ одну ночь,

1) Цит. у Жданова, *Op. cit.*, 24.

2) *Ibidem*, стр. 39.

3) Вс. Миллеръ, у Жданова, стр. 24.

4) А. Веселовскій, у Жданова, *ibidem*.

такъ что спеціальное упоминаніе тутъ о пѣтухахъ является какъ будто даже и излишнимъ.

Какой же въ такомъ случаѣ географическій терминъ могъ подвернуться тутъ автору *Слова*? Едва ли только такой неопредѣленный, какъ *курень* въ смыслѣ занятой какимъ-нибудь населеніемъ мѣстности, рядомъ тоже съ не вполне опредѣленнымъ, но все же собственнымъ именемъ «Тмутаракань». Я думаю, что этотъ терминъ есть не что иное какъ нынѣшняя рѣка *Кура*, которая у туземцевъ турецкаго корня искони называлась, какъ и теперь называется, *Куръ*¹⁾ и уже въ тѣ отдаленныя времена играла весьма важную роль въ судьбѣ Кавказскихъ владѣній Византійской имперіи, служа, какъ мы видѣли, пограничною чертою между этими владѣніями и подступавшими къ ней вплотную турецкими ордами, пока онѣ не переступили и этой черты и не дотянулись вплоть до Керченскаго пролива²⁾, послѣ чего сама рѣка *Куръ*, вкупѣ съ территоріею, лежавшею на протяженіи между нею и Керченскимъ проливомъ и слывшешю подъ именемъ Таматархи, а въ русскомъ произношеніи—Тмутаракани, современемъ не потеряла реального значенія опредѣленной границы и пространствъ чьихъ-либо опредѣленныхъ же владѣній, сдѣлавшись ходячими въ тѣхъ краяхъ и въ сосѣднихъ съ ними областяхъ простыми кличками³⁾ для какихъ-то очень отдаленныхъ отъ русскихъ предѣловъ странъ, но не безызвѣстныхъ Южной Руси по своему прошлому, памятному со времемъ военныхъ набѣговъ, совершавшихся прежними смѣлыми русскими князьями съ своими дружинниками на эти окраины. Вотъ эти кратковременные на-

1) У Эвлия-челеби, Константиноп. изд., т. II, стр. 302 значится: «Неподалеку къ сѣверу отъ города (Баку) впадаетъ въ море рѣка *Куръ*—شهرک شمالنه قریب بر—محلده قور نهری دوکیلور».

2) Византійскій писатель Менаандръ, повѣствуя о посольствѣ Валентина въ 576 г. по Р. Х. къ туркамъ, между прочимъ пишетъ, что одинъ изъ турецкихъ князей, по имени Турканеъ «говорилъ еще много съ Валентиномъ, потомъ отпустилъ его къ дальнѣйшимъ князьямъ турскимъ. Когда Валентинъ отправился, ... то Турканеъ погрозилъ, что онъ начнетъ съ того, что *завоюетъ Воспоръ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вскорѣ отправилъ Вохана съ многочисленнымъ войскомъ турковъ для завоеванія Воспора. Уже Аначей *стоялъ въ тѣхъ мѣстахъ* съ другою турецкою силою» (Op. cit., стр. 422).

3) У Менаандра рѣка Кура называется *Κύρος ποταμός* (Op. cit., стр. 412) Г. Яновскій, основательно изслѣдовавшій вопросъ о р. Курѣ, говоритъ: «Нынѣшнее названіе этой рѣки татарское. Армяне называютъ ее *Кюросъ*, по словамъ Амміана Марцеллина, въ память персидскаго царя Кира Старшаго. Татары могли переименовать Кюросъ въ *Куръ*. Греческіе и римскіе писатели измѣняли названіе Кура различно: Страбонъ писалъ *Карусъ*, Плиніи—*Кирусъ*, Плутархъ—*Кирнусъ*, другіе *Киртусъ*, *Киднусъ* и пр.» (Яновскій, О древней Кавказской Албаніи, въ Журн. М. Нар. Пр. 1846 г., часть LII, отд. III, стр. 111).

бѣги-то и породили потомъ легенду о существованіи не только какого-то города, но даже цѣлаго княжества, будто бы основаннаго тамъ русскими послѣ побывки тамъ Святослава еще въ 968 году¹⁾, такъ что Владиміръ Святой будто бы могъ прямо посадить тамъ княземъ своего сына Мстислава въ 988 году²⁾. Ну, а что же тамъ, въ этомъ мнимомъ княжествѣ, было или происходило за этотъ долгій двадцатилѣтній періодъ времени? Между тѣмъ только спустя еще болѣе долгій промежутокъ, черезъ цѣлыхъ 34 года, лѣтопись вспомнила, что Мстиславъ все сидитъ въ Тмутаракани; что онъ ходилъ оттуда походомъ на касоговъ, зарѣзалъ въ поединкѣ Редедю и обложилъ касоговъ данью³⁾. М. П. Погодинъ, слишкомъ уже довѣряя фактической точности лѣтописнаго повѣствованія объ отважномъ, богатырскомъ подвигѣ Мстислава и основываясь на лѣтописномъ выраженіи «Мстиславу сущу Тмутаракани... ходилъ... въ 1022 г. на касоговъ въ Сѣверной части Кавказа»⁴⁾. Въ такомъ случаѣ, если уже черезчуръ полагаться на точность лѣтописи, слѣдуетъ принять какъ фактъ и ту очень милую легенду, но все-таки легенду, что Мстиславъ, начавъ изнемогать въ борьбѣ съ Редедю, далъ такой обѣтъ: «О, пречистая Богородице, помози ми: аще бо одолѣю сему, съзижду церковь во имя твое!» А вслѣдъ за этимъ прибавляется, въ видѣ уже позднѣйшей будто бы справки: «И пришедъ Тмутараканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тьмутарокани»⁵⁾. Спрашивается: до какого *до сего дне*, когда это сказано въ лѣтописи подъ тѣмъ же 1022 годомъ? Этимъ какъ нельзя болѣе выдаетъ себя легендарность лѣтописнаго разсказа о дѣлахъ, давно минувшихъ даже и для того, кто вносилъ его въ лѣтописную хартію свою въ гораздо позднѣйшее время, на основаніи однихъ лишь темныхъ преданій.

Дѣло было, надо полагать, гораздо проще. Въ свое время и Святославъ въ числѣ многихъ другихъ своихъ походовъ совершилъ и походъ въ землю, лежавшую по ту сторону Босфора, т. е. Керченскаго пролива, повоевалъ, пограбилъ тамъ и ушелъ въ другія мѣста, ожидавшія къ себѣ его появленія, не основывая никакого ни города, ни княжества въ

1) Погодинъ, Исслѣдованія, т. III, стр. 144.

2) Лѣтопись по Лаврент. списку. СПб. 1897, стр. 118.

3) Ibid., стр. 143.

4) Погодинъ, Исслѣдованія, III, 145.

5) Лѣтопись, стр. 143.

Тмутаракани. Распредѣленіе же, будто бы продѣланное Владиміромъ Святимъ разныхъ городовъ между двѣнадцатю своими сыновьями, имѣеть такой неопредѣленный, шаблонный характеръ, что ни капли не внушаетъ признанія этого распредѣленія соотвѣтствовавшимъ дѣйствительности, потому что вслѣдъ за этимъ Владиміру приписывается такое, тоже скоропалительное, разсужденіе и дѣйствіе: «И рече Володимеръ: «Се не добро, еже мало городовъ около Кіева». И нача ставити городаы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшѣ отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одоляя имъ»¹⁾. Это значитъ, что тогдашніе князья ни минуты не имѣли отдыха, безпрестанно совершая походы то въ ту, то въ другую сосѣдную вражескую область, а постановка городовъ въ такомъ количествѣ, какъ указано въ лѣтописи, означаетъ не болѣе, какъ сооруженіе сторожевыхъ остроговъ, отъ печенѣговъ и прочихъ вороговъ, съ которыми они непрерывно воевали²⁾. То же самое, очевидно, происходило и въ Тмутаракани, куда отъ времени до времени вторгались наши русскія лихія дружины вовсе не для основанія тамъ новыхъ городовъ или княжествъ, для прочнаго существованія которыхъ не было никакихъ благопріятствующихъ условій, а для простаго грабежа и погромовъ. При такомъ положеніи вещей становится совершенно понятнымъ отмѣченное подъ 1034 годомъ, т. е. спустя тридцать шесть лѣтъ послѣ назначенія Мстислава отцомъ своимъ въ Тмутаракань и спустя 10 лѣтъ послѣ его единоборства съ Редедю, внезапное появленіе его въ Кіевѣ. «Въ лѣто 6532. Ярославу сущу Новѣгородѣ, приде Мстиславъ *ис Тмutorоканя* Кіеву, и не прияша его Кыяне; онъ же шедъ сѣде Черниговѣ»³⁾. Какъ и почему случился этотъ запоздалый выходъ Мстислава изъ Тмутаракани, и какъ и почему онъ такъ просто взялъ да и засѣлъ въ Черниговѣ, и что же тогда случилось съ Тмутараканью, этого никакъ не разобрать изъ такихъ лаконическихъ замѣтокъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Точно такую же неожиданностью отличается и внезапное потомъ, спустя сорокъ лѣтъ, бѣгство Ростислава въ Тмутаракань въ 1064 году⁴⁾ и появленіе Святослава, посадившаго тамъ своего сына Глѣба, котораго

---

1) Лѣтопись, стр. 118—119.

2) Ibidem, 120.

3) Ibidem, стр. 143—144.

4) Ibidem, стр. 159.

Ростиславъ выгналъ и сѣлъ на его мѣсто¹⁾. А что все это означало? То, что, по словамъ лѣтописи, «Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющую дань у касогъ и у *иныхъ странъ*, сего же убоявшеся Гръци»²⁾, т. е. что вся суть заключалась для этого лихого, красяваго, доблестнаго, ратваго и отважнаго рыцаря³⁾ въ томъ, чтобы обирать въ Тмутараканской сторонѣ всякихъ тамъ касоговъ и жителей *иныхъ странъ*, покаместъ греческій катананъ не прибѣгъ къ хитрости и не отравилъ его⁴⁾.

И послѣдующія отрывочныя, съ большими хронологическими промежутками, лѣтописныя упоминанія о Тмутаракани не даютъ ни малѣйшаго основанія къ предположенію существованія не только княжества, а даже и чего-то въ родѣ города въ столь отдаленной отъ коренной Руси окраинѣ, чтобы они могли тамъ по долгимъ срокамъ прочно и невозбранно существовать, въ сосѣдствѣ многочисленныхъ всякаго рода иноплеменниковъ. А потому всеу отыскиваютъ наши ученые тамъ Тмутаракань, да еще иногда съ такою наивною увѣренностью въ цѣлесообразности своихъ поисковъ, какую проявилъ покойный Ф. К. Брунъ, поставившій даже наособицу такой вопросъ: «Не безъинтересно было бы узнать, гдѣ покоится прахъ послѣдняго князя Тмутараканскаго?»⁵⁾. Его нисколько не смущало то множество и вариантовъ самаго имени загадочной Тмутаракани, и такое же множество географическихъ пунктовъ, къ которымъ эти варианты пытались приурочить измученные въ своихъ поискахъ изслѣдователи, и которые имъ же самимъ всѣ тщательно собраны въ одномъ изъ его многочисленныхъ этюдовъ, образующихъ цѣлый его сборникъ «Черноморье»⁶⁾. Эти варианты суть: *Ταμάταρχα* у Константина Багрянороднаго⁷⁾, *Ματάρχα*, какъ сокращеніе предыдущаго (наподобіе того какъ *σαράντα* сокращ. изъ *τεσσαράκοντα*)⁸⁾, *τὰ Μέτραρχα* въ древнемъ спискѣ греческихъ епископствъ⁹⁾; *Matrega* на итальянскихъ картахъ XIV сто-

1) Ibid., 160.

2) Ibid., стр. 161—162.

3) Ibidem, стр. 162.

4) Ibidem.

5) Брунъ, Черноморье, II, стр. 323.

6) Черноморье, I, стр. 199, II, стр. 130.

7) Op. Cit., III, стр. 181, 268.

8) Λεξικὸν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, ὑπο Σχαρλατοῦ Α. Βούζαντιου. Ἐν Ἀθῆναις 1852, стр. 1403.

9) Черноморье, II, стр. 130.

лѣтія¹⁾, Матраха у арабскаго географа Идриса²⁾, и даже Тамирака въ одной изъ древнѣйшихъ приписокъ коллекціи Фирковича, хотя отождествленіе этого послѣдняго имени съ Таматархой или Тмутараканью, кажется, не обосновательно не пріемлется наукою³⁾.

Особенно большія упованія ученые возлагали на такъ называемый Тмутараканскій камень, но и новѣйшій изслѣдователь его, какъ мы уже видѣли, все же остался при безнадежномъ заключеніи, что «Тмутаракань Таманская представляетъ пока полную загадку»⁴⁾. И эта безнадежность происходила изъ того, что загадочность Тмутаракани усугублялась, благодаря именно этому камню, еще связью ея съ другимъ не менѣе если не болѣе загадочнымъ географическимъ пунктомъ въ видѣ какого-то «Кърчева». А. А. Спицыну непремѣнно хотѣлось бы найти Тмутаракань въ устьяхъ Дона⁵⁾, а потому онъ какъ-то умаляетъ эту связь двухъ географическихъ терминовъ, совершенно ясно и опредѣленно выраженную въ надписи Тмутараканскаго камня, довольствуясь такимъ завѣщаніемъ для послѣдующихъ изслѣдователей: «Дѣло будущаго установить дѣйствительную исторію слова «Кърчевъ»⁶⁾. Къ такому, тоже опять-таки безнадежному, выводу онъ пришелъ по разсмотрѣніи цѣлаго ряда предположеній и толкованій насчетъ этого слова. Изъ собранныхъ у него данныхъ ясно лишь то, что большинство изслѣдователей склонны къ признанію тождества древняго «Кърчева» съ позднѣйшею «Керчью», но только расходятся въ подысканіи посредствующаго между ними термина и коренного значенія его. Вестбергъ нашелъ, что къ IX в. Керчь принадлежала хазарамъ и называлась погречески *Κέρυζος* (*μετόχιον τῆς Κερύζου*); въ извѣстномъ хазарскомъ письмѣ Юсіфа имѣется семитическое начертаніе этого имени въ видѣ трехъ согласныхъ *Крз* или *Кри*⁷⁾. Позднѣе венеціанцы и генуэзцы, устроившіе каботажи по всему сѣверному берегу Чернаго моря, не могли не использовать Керченскую бухту и пользовались ею то подъ старымъ именемъ Воспора, то подъ новымъ *Saghis* и *Chertz*; въ Макарьевской минеѣ (ноябрь) въ сказаніи объ

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Гаркави, По вопросу объ іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму, въ Жур. М. Н. Пр., 1877, т. 192, стр. 107.

4) Спицынъ, *op. cit.*, стр. 132.

5) Ibid., стр. 131.

6) *Op. cit.*, стр. 125.

7) Вестбергъ, Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ. Ж. М. Н. Пр. 1908 г., Мартъ, стр. 21, цитов. у Спицына, стр. 123.

ап. Андреѣ говорится: «И прииде во Оспоръ Корчевъ градъ», тогда какъ въ греческомъ текстѣ Миней стоитъ лишь εἰς Βόσπορον πόλιν; въ Житіи Стефана Сурожскаго упоминается *Корчъ* и *Керчь*, а Константинъ Багрянородный вовсе Керчи не знаетъ¹⁾.

На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ одни ученые, какъ Спасскій, стояли на томъ, что въ XI в. имени Керчи не было; что даже совѣмъ не вѣроятно, чтобы въ *опредѣленное* (?) время могло оно существовать, потому что генуэзцы называли это мѣсто Воспоромъ (въ разныхъ формахъ), а позднѣе именовъ *Serco*, которое напоминаетъ черкесскаго князя, жившаго здѣсь до 1333 г., или же видъ Керченской долины съ горами, имѣющими по сторонамъ полукруглыя отлогости, и оканчивающимися огромными мысами²⁾. Бутковъ полагалъ, что *Черко* есть простая перестановка имени Керчь, перенятая (кѣмъ?) отъ армянъ или русскихъ, и производилъ имя Керчи отъ армянскаго «хрчанахъ» = «горло», а также еще производилъ изъ армянскаго же «кирджъ»³⁾.

Перебравъ всѣ вышеперечисленныя альтернативы, самъ А. А. Спицынъ такъ ни къ чему и не пришелъ, кромѣ того только, что призналъ нужнымъ «съ надписью примириться всецѣло»⁴⁾, т. е. соглашается съ подлинностью Тмутараканскаго камня, что мнѣ представляется самымъ существеннымъ и цѣннымъ въ его изслѣдованіи, въ виду того, что этотъ камень составляетъ собою, сказать не обинуясь, краеугольный камень въ ряду доводовъ, подтверждающихъ нашъ взглядъ на Тмутаракань. Поэтому и остановимся попристальнѣе на содержаніи надписи на этомъ камнѣ, такъ какъ внѣшность его и судьба его уже въ достаточной мѣрѣ ранѣе обслѣдованы.

Начать хотя бы съ того, что «Тмутараканская надпись», по словамъ А. А. Спицына, «заключаетъ крайне незначительное, пустое содержаніе, при торжественной формѣ. Съ упоминаніемъ года, даже его индикта, и имени важнѣйшаго официальнаго лица области въ ней сообщается, что разстояніе между такими-то пунктами, мѣряя по льду, заключаетъ столько-то сажень. . . И знать разстояніе между Таманью и Керчью не важно, и повѣрить написанной цифрѣ нельзя, хотя бы она и была получена какимъ-либо дѣйствительнымъ измѣреніемъ.

1) Всѣ цитаты у Спицына, стр. 123—124.

2) Ibidem.

3) Ibid., 124—125.

4) Ibid., 131.

... .Вообще надпись поражаетъ безцѣльностью своего содержанія»¹⁾).

Совершенно справедливо на это возражалъ А. И. Соболевскій, что «безцѣльность есть дѣло условное. Если мы не видимъ цѣли, это еще не значитъ, что ея не было на самомъ дѣлѣ. Не легко читать мысли за 900 лѣтъ тому назадъ»²⁾. Кроме того, мнѣ кажется, что данныя для разсѣянія сомнѣнія въ цѣлесообразности содержанія надписи были въ распоряженіи самого А. А. Спицына, который сообщаетъ свѣдѣніе о томъ, что «Константинь Багрянородный разстояніе между Воспоромъ и Таматархой считаетъ въ 18 миль»³⁾ Вѣдь вотъ же кто-нибудь да сдѣлалъ это измѣреніе, которымъ не счелъ за лишнее воспользоваться знаменитый византійскій писатель, какъ не счелъ его таковымъ и самъ сдѣлавшій это измѣреніе. И едва ли можно тутъ даже задаваться мыслью о томъ, что будто бы «надпись изготовлена для потомковъ», и что, слѣдовательно «къ чему было записывать то, въ смыслъ чего мы никакъ не можемъ проникнуть? Жизнь прошлаго не такъ сложна; языкъ и понятія были просты и ясны. Какъ бы не понять, если бы было что понимать?»⁴⁾. Какъ разъ всѣ эти аргументы А. А. Спицына говорятъ за осмысленность содержанія надписи, а не противъ нея. Прежде всего, запись измѣренія, какъ въ высшей степени дѣловой, практической актъ, какъ и самый фактъ измѣренія, могъ и долженъ былъ имѣть весьма важное значеніе именно для современниковъ, а вовсе не для какихъ-то потомковъ, до насъ включительно. При простотѣ и несложности жизни прошлаго, измѣренія разстояній и величинъ всегда обращали на себя особенное вниманіе людей старыхъ временъ, какъ объ этомъ можно судить по стариннымъ письменнымъ памятникамъ, начиная хотя бы съ «Хоженія Игумена Даниила въ Иерусалимъ». Всякій по себѣ можетъ судить, когда случалось ему даже нынѣ проходить на пароходѣ Босфоръ или Дарданеллы, какъ невольно прежде всего является вопросъ: а какъ широко то тутъ, то тамъ разстояніе между берегами? Проливы всякіе это не то что рѣчныя русла: они всегда какъ-то обращаютъ на себя особое вниманіе, а тѣмъ паче такой проливъ, какъ Проливъ Керченскій, и никакой хоть бы самый «разсудительный Палласъ» не заставитъ меня усматривать тутъ, подобно

1) Op. cit., 119.

2) Ibidem.

3) Ibid., 121.

4) Ibid., 120.

нилъ такую переправу, кстати произведя и измѣреніе разстоянія переправы, обозначенной обычно словами «отъ Тмутараканя до Кърчева», и приче́мъ, я бы сказалъ, съ помощью даже простой веревки. Это, по мнѣнію А. А. Спицына, будто бы было «крайне затруднительно»¹⁾, въ дѣйствительности же тутъ ничего не могло быть затруднительнаго, благодаря той ловкости, съ какою напри́мѣръ астраханскіе ловцы зачастую продѣлываютъ подобныя переправы даже по движущимся льдинамъ: нельзя же всѣ обыкновенныя житейскія явленія и дѣйствія разсматривать только подъ угломъ зрѣнія комфортабельныхъ приспособленій кабинетной или иной научной экспериментации.

Дѣло, во всякомъ случаѣ, не въ точности измѣренія Керченскаго пролива, а въ томъ, что это измѣреніе было продѣлано «отъ Тмутараканя до Кърчева». Если до сихъ поръ не могутъ окончательно доискаться Тмутараканя, то еще большую трудность представляетъ вопросъ и о *Кърчевѣ*, который указывается Тмутараканскимъ камнемъ на противоположномъ берегу пролива. Всѣ приходятъ къ тому, что Кърчевъ или Кърчева есть не что иное какъ теперешняя Керчь; но только затрудняются опредѣленіемъ, въ какомъ языкѣ искать объясненія значенія этого имени. А. А. Спицынъ, между прочимъ, включилъ въ свое изслѣдованіе свѣдѣніе, что будто-бы «въ *турецкихъ источникахъ*, начиная съ XIII в., это селеніе (которое у венеціанцевъ и генуэзцевъ было извѣстно подъ именемъ *Carchis* и *Chertz*) именуется Керчью», и дѣлаетъ ссылку на Тизенгаузена, на его «Матеріалы для исторіи Золотой орды», стр. 112, 279²⁾. Ссылка-то правильная, но только она не вѣрно отнесена къ *турецкимъ источникамъ*; матеріалы, собранные покойнымъ В. Г. Тизенгаузомъ, всѣ взяты изъ источниковъ *арабскихъ*, а не турецкихъ; а это не одно и то же. Въ томъ видѣ, въ какомъ имя *Керчь* находится у арабскихъ писателей, оно уже не имѣетъ своего турецкаго прообраза, а имѣетъ нѣсколько искаженную форму, хотя тоже довольно близкую къ *Кърчеву* Тмутараканскаго камня. Въ подписи этого камня это имя ближе къ своему первоисточнику, и притомъ, скажемъ прямо и рѣшительно, къ первоисточнику турецкому, такъ какъ греческій источникъ тутъ ни откуда не обнаруживается.

Всѣ ученые сходятся въ томъ, что въ эпоху появленія Тмутараканской надписи у побережья Керченскаго пролива толпились орды

1) Op. cit., 119.

2) Op. стр., 124.

турецкаго происхожденія—то хозаре ¹⁾, то половцы ²⁾, и др. И одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей, Ю. А. Кулаковскій писалъ еще ранѣе А. А. Спицына вотъ что: «Въ поискахъ за тѣмъ народомъ, при посредствѣ котораго русскіе познакомились съ Керчью и отъ котораго они услышали имя, переданное ими на своемъ языкѣ въ формѣ *Кърчевъ*, естественнѣе всего остановиться на хазарахъ. Такъ именно и поступилъ Брунъ» ³⁾, который отозвался по этому вопросу очень рѣшительно, а именно: «Мнѣ кажется, что древній Пантикапеонъ обязанъ хазарамъ настоящимъ своимъ явно *тюркскимъ* происхожденіемъ... Во всякомъ случаѣ городъ этотъ въ X столѣтіи былъ уже извѣстенъ Русскимъ подъ названіемъ *Кърчевъ* и съ нимъ именно (а не съ давно исчезнувшимъ городомъ Каркинитисомъ Геродота, какъ думалъ Хвольсонъ) долженъ былъ совпадать городъ *Кърхъ*... по Ибнъ-Дастъ» ⁴⁾. Жаль только, что Ю. А. Кулаковскій, начавши за здравіе, кончилъ за упокой, потому что вслѣдъ за совершенно вѣрнымъ сужденіемъ, которое было подсказано ему, какъ и Ф. К. Бруну, чутьемъ, онъ тотчасъ присовокупилъ такую оговорку, ослабляющую силу его первоначальнаго заявленія: «Нельзя не прибавить по этому поводу», говоритъ онъ, «что хазарское происхожденіе имени, если принять его а priori, нисколько не обязываетъ искать оясненія слова *Кърчевъ* непремѣнно въ тюркскихъ языкахъ... Что же до предположенія, что имъ принадлежитъ переименованіе города на Боспорѣ, то оно не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ они владѣли Крымскимъ полуостровомъ (за исключеніемъ Херсонеса и его территоріи) въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ» ⁵⁾.

У Ю. А. Кулаковскаго тутъ оказалось незамѣченное имъ самопротворѣчіе: Пантикапеонъ переименованъ въ *Кърчевъ* хазарами, которые были народъ турецкаго племени и языка, а между тѣмъ, по его мнѣнію, не обязательно искать оясненія этого имени въ турецкихъ языкахъ; такъ, спрашивается, у кого же они позаимствовались этимъ словомъ для того чтобы переименовать уже существовавшій греческій съ своимъ именемъ городъ? Неужели же для этого имъ понадобилось прибѣгнуть еще къ чьему-то третьему языку, и чѣмъ могла быть

1) Гаркави, въ Жур. М. Н. Пр. ч. 192, стр. 117; Брунъ, Черноморье, II, стр. 320.

2) Погодинъ, Изслѣдованія, III, стр. 145.

3) *Харисттири*. Сборникъ статей по филолог и лингвистикѣ въ честь Ѳ. Е. Корша. Москва 1896. Кулаковскій: «Къ вопросу объ имени города Керчи», стр. 191.

4) Черноморье, II: 320.

5) Сборникъ, *Loco citato*.

вызвана такая необходимость? Да ничего подобнаго и не было, и быть не могло. Имя *Кърчевъ* несомнѣнно турецкаго языка, и оно не нарочито придумано было Богъ вѣсть на что хазарами, а возникло само собою, естественнымъ путемъ, въ видѣ добавочной, упрощенной клички къ очень мудреному имени Пантикапеонъ, вызванной самыми географическими, житейскими условіями, которое эта кличка современемъ и вытѣснила совершенно съ удаленіемъ изъ этихъ мѣстъ греческой власти и водвореніемъ господства турковъ. Что же это были за условія?

Они заключались въ томъ, что всюду и вездѣ прибрежные жители водныхъ пространствъ, раздѣляющихъ двѣ близъ лежащія суши, имѣютъ непреодолимую склонность называть противоположащее одному побережью другое просто-на-просто именемъ *той стороны, обонъ-пола*, наманеръ того какъ Петроградская и Выборгская стороны Петрограда попросту именуется *зартчными* частями. Особенно такое обозначеніе любятъ турки. Если вы гдѣ-нибудь на южномъ берегу Крыма спросите выѣхавшаго туда изъ Трапезунда турка, откуда онъ, онъ не иначе отвѣтитъ вамъ, какъ турецкимъ словомъ *каршлы* = «съ противоположной стороны», «противосторонецъ». Если въ его представленіи Черное море не такая огромная водная величина, чтобы онъ не могъ считать близнецами двухъ противоположныхъ береговъ его, то что же въ сравненіи съ нимъ представлялъ собою старинный Боспоръ, или понашему Керченскій проливъ, чтобы, стоя на сторонѣ Тмутараканской и глядя насупротивъ, на вопросъ, куда смотришь, не сказать потурецки: *قارشى به* = *каршійя*, т. е. отвѣтитъ турецкимъ словомъ *карши* = «противная сторона» въ турецкомъ же дательномъ падежѣ. Совершенно точь-въ-точь какъ турки выработали изъ цѣлаго греческаго выраженія *εις τῆν πόλιν*—«въ городъ» наименованіе *Стамбуль* для Константинополя, такъ русскіе обратили турецкое выраженіе *каршійя* въ собственное имя *Кърчевъ*, позднѣе сократившееся въ *Керчь*. До какой степени турки любятъ это *карши* «супротивъ» какъ географическое обозначеніе, не стѣсняясь дальностью разстоянія между противоположащими сторонами, объ этомъ можно судить по тѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ примѣрамъ такого обозначенія, которые встрѣчаются въ описаніяхъ путешествій замѣчательнаго турецкаго путешественника, писателя XVII вѣка Эвлия-челеби. Вотъ нѣсколько такихъ у него выраженій. «Оттуда опять, сѣвъ на корабль, мы прибыли въ Башъ-Эскелъ въ трехъ миляхъ разстоянія на *противопо-*

ложной сторонѣ моря, а оттуда, снова сѣвъ на корабль, я прибылъ къ пристани Мысу, находящейся въ тридцати миляхъ, который находится на Скутарской сторонѣ и составляетъ находящійся на *противоположной* сторонѣ «Мысь Кебзе» или Кеббузэ-Мысь»¹). Въ послѣднемъ примѣрѣ Эвлия - Челеби дѣлаетъ такого рода легендарное дополненіе, въ которомъ такую видную роль играетъ слово *карши*. «Разсказываютъ, что во времена Орханъ-хана одинъ ученый путешественникъ дервишъ прибылъ къ здѣшнимъ корабельщикамъ и говоритъ: «Ребята, перевезите-ка меня на *противоположную* сторону (*карши* тарафа гечиринъ)!». Они же уѣхали, не перевезя его. Тогда дервишъ набралъ земли въ подолъ свой и сказавъ: «Мы Божьею волею и такъ переѣдемъ на *ту сторону* (*карши*йя)», высыпалъ землю въ море; море стало дѣлаться сушею, и онъ такимъ образомъ идетъ позади корабля. Корабельщики, увидѣвъ это, взмолились: «Помилуй, государь, вѣдь ты, засыпавъ проливъ, не лишай насъ хлѣба: въ Стамбула корабли не будутъ переплывать въ Измидъ! Сдѣлай милость, иди сюда въ корабль нашъ!» Онъ же, сдѣлавъ около 12.000 шаговъ по морю и засыпавъ его, влѣзъ потомъ въ корабль. Святой же дервишъ, переправившись на *противоположную* сторону (*карши* джанибэ) только для того чтобы показать чудо, тотчасъ же предалъ чистый духъ свой Господу Богу. На краю этого Герцеговинскаго мыса есть большой ханъ (постояльчій дворъ), открытый для всѣхъ путешествующихъ, которые, расположившись въ немъ, ожидаютъ прихода кораблей съ *противной* стороны (*карши* тарафынданъ)»²).

1) Эвлия-челеби, Сейяхэтъ-намеси. Стамбулъ 1314=1896—1897, т. II, стр. 65—66: *آندین ینہ کمی یہ سوار اولوب دریانک قارشی طرفندہ اوچ میل مسافہدہ (باش اسکلہ) یہ کلدک. اندن ینہ کمی یہ بینوب اوتوز میلده منزل اولان (دیل) اسکله سنہ کلدک کہ قارشی طرفندہ کی «کبزه دیلی» ده» کبوزه دیلی اسکدار طرفندہ در*

2) Эвлия, II, 66: *روایت اولنور کہ اورخان غازی عرندہ سیاح عالم بر درویشی بورادہ کی کمیچیلرہ کلوب «اوغوللرا. بنی قارشی طرفہ کچیرک» دیر. اونلرده کچیرمیوب کیدرلر همان او درویشی عالم و عامل اتکینه طوپراق تولدورب «بز قارشی یہ بامر الله تعالی بویلہ کچرز» دیو اتکندن طوپراقی دریایہ دوکدکجه دریا قره اولور، بو وجهله کمی نک اردنجہ یورور، کیدر. کمیچیلر بو حالی کوردکلرندہ: «امان سلطانم، بوغازی تولدورروب اکمکزه مانع اولمه استانبولدن ازمیده کمیلر کچمز اولور لطف ایت بوراسی کمیمنزه کرک» دیو رجا ایدرلر اوده اون ایکی بیگ اذیم قدر دریایہ کیدوب تولدورقدن صکره کمی یہ کیرر... درویشی حضرقلری ده قارشی جانبہ کچدکده کشف کرامات ایتدیکیچون در حال روح پاکرینی جناب حقہ تسلیم ایدرلر بو هرск دیلی بوروندنه بیوک بر خان واردر. آینده و روندیه کشاده اولوب هرکس مهمان اولهرق قارشی طرفدن قایقلرک کلمه سنہ منتظر اولورلر.*

Это все относится къ предѣламъ прежней Европейской Турціи; но у Эвлия не мало и такихъ мѣстъ, которыя касаются Азіатскихъ мѣстностей. Такъ въ описаніи Синопа онъ говоритъ: «На южной сторонѣ города есть большая гора извѣстная подъ именемъ горы Бузь-Тэпэ. Въ ясную погоду виднѣются Киль-Градскія горы, что на *противоположной* Румелии (*каршій* Румъ-илиндэки)» ¹⁾. Перечисляя племена, населяющія Абхазію, Эвлия пишетъ: «Племя Чачъ говоритъ помингрельски, потому что *противная* сторона (*каршій* тарафы) рѣки Фаше сплошь Мингрелия» ²⁾. Въ перечнѣ сорока восьми кварталовъ города Амасія говорится такъ: «На *супротивной* къ городу сторонѣ (*каршій* шегиръ тарафында) кварталъ Баязидъ-паши» ³⁾. Въ описаніи Эривани на р. Араксъ у него читаемъ: «Мы достигли крѣпости *Каршій*, составляющей первую крѣпость Персидскаго Государства» ⁴⁾; а еще дальше: «Такъ какъ городъ *Каршій* лежитъ на берегу рѣки, то климатъ его пріятный» ⁵⁾; пробывъ здѣсь еще два дня, мы осматривали находящійся на *противномъ* берегу (*каршій* кэнариндэки) рѣки высокій замокъ» ⁶⁾. Заговоривъ о г. Баку, Эвлия прежде всего отмѣчаетъ такой фактъ: «Изъ находящихся на *противоположномъ* западномъ берегу Хазарскаго моря (*Каршій* гурбъ джанибэндэки) крѣпостей Московскаго краля—Астрахани, Пакъ-хана, Сарая, Гэмшедека—пришли послы и и принесли подарки» ⁷⁾, а немного далѣе присовокупляетъ: «Московскіе казаки нѣсколько разъ по *противоположной* рѣкѣ Идилю (*каршій* Идиль негривдэнъ) приходили шайками и грабили и опустошали Гилянъ и Бакинскія мѣстности, потому что *противоположную* ихъ сторону (*каршій*

1) Эвлия, II, 76: شهرک جنوب طرفنده بوز تپه ناميله مشهور بر کوه بلند واردر. آچيق هواه قارشى روم ايلندهکى (کیل غراد) طاغلى کوربنو.

2) Ibid., 102: چاچلر عشيرتى — مکرهده سويله شيلور چونکه (فاشه) نهرينگ قارشى طرفى صرف مکرلستاندر.

3) Ibid., 189: قارشى شهر طرفنده بايزيد پاشا محلهسى

4) Ibid., 230: عجم ملکنک ايلک قلعهسى اولان (قرشى قلعهسى) ده واصل اولدق.

5) Ibid., 231: شهر قرشى نهري کنارنده واقع اولديغندن آب و هواسى لطيفدر.

6) Ibid., 282: ايکي کون دها بوراده مکث ايدرک قرشى نهري کنارندهکى قصر عالرى تماشا ايتدک.

7) Эвлия, II, 300: بحر حزرک قارشى غرب جانبندهکى مصقو قرالنک (آزر خان), (پاک خان), (سرائى), (همشدرک) قلعه لرندن ايلچيلر کلوب سور ايلچون هدايا کتيرمشلر.

тарафы) въ трехъ стахъ миляхъ составляютъ Московскія области»¹⁾. Наконецъ по поводу ледостава на р. Дунаѣ Эвлия-челеби между прочимъ сообщаетъ такой обычный фактъ, что «Дунайскіе войны (т. е., конечно, турки), переодѣваясь въ походныя одежды, пускаются на *противоположную* сторону (*каршій* якая) въ Валахію и Молдавію, захватываютъ валаховъ и молдаванъ и обращаютъ ихъ въ исламъ»²⁾.

Приведенные примѣры употребленія турецкаго слова *каршій* взяты только случайно подвернувшіеся, а если бы внимательно поискать, то ихъ оказалось бы еще больше, и притомъ у разныхъ писателей въ подходящихъ случаяхъ. Вотъ эти-то примѣры и даютъ, мнѣ кажется, достаточное основаніе къ тому, чтобы загадочный *Кърчевъ* Тмутараканскаго камня принять за немного измѣненное въ живомъ говорѣ турецкое *каршій* — قارشى — въ значеніи мѣстности, противоположащей Тмутаракани и приходившейся какъ разъ тамъ, гдѣ былъ греческій Пантикапеонъ, который долженъ былъ промѣнять свое греческое имя на турецкое, какъ болѣе простое для выговора, да и болѣе употребительное какъ у постоянного мѣстнаго населенія, такъ и у случайно проносившихся тутъ залетныхъ витязей въ родѣ нашихъ князей Мстислава, Ростислава, Всеслава и др., которымъ нельзя было миновать этой переправы пролива во время ихъ лихихъ набѣговъ на лежащія по ту сторону земли, кишѣвшія всякими бродячими племенами, представлявшими, должно быть, завидную цѣль для ихъ грабительскихъ экскурсій.

Разъ ступивъ на эту стезю предположеній, нельзя уже остановиться, не доведя ихъ до послѣдней крайности, невольно подкупающей своимъ правдоподобіемъ. Я хочу сказать, что загадочный и тщетно искомый *Кърчевъ* Тмутараканскаго камня не ограничивается своимъ появленіемъ лишь въ надписи этого камня. Если одинъ князь Романъ измѣрилъ разстояніе между Тмутараканью и Кърчевомъ, то другой, Всеславъ проносился черезъ тотъ же проливъ только въ обратномъ направленіи — черезъ *Кърчевъ* въ Тмутаракань. Такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ понимать въ извѣстномъ мѣстѣ Слова о полку Игоревѣ

1) Ibid., 301: بر قاج کره مصقو قزاقی قارشى (ادل) نهرندن شایقه لار ایله کلوب
 میلانی و باکو ناحیه لرینی نهب و غارت ایتمشد. چونکه قارشى طرفی اوچیوز
 میلده مصقو دیاریدر.

2) Эвлия, т. III, стр. 334: طونه غازیلری قارشى یقهیه افلاق، بغدادنه شب
 روانی اثوابلری کییوب افلاق و بغدادن آدملرینی سرتت ایدوب اسلام ایله
 مشرف قیلارلر.

слово *Хрѣсови*, которое обыкновенно принято толковать въ значеніи бога солнца. Въ тѣ поры автору *Слова* могло и не быть въ точности извѣстно турецкое слово *каршій*, которое у него легко могло превратиться въ *Хорса*, какъ вообще тогда легко превращались одни слова въ другія, смотря по надобности. Если автору такъ уже полюбился мифологическій *Хорсъ*, то почему же онъ больше нигдѣ у него ни разу не встрѣчается въ *Словѣ*? Даже въ плачѣ Ярославны, гдѣ всего естественнѣе было бы упоминаніе объ этомъ божествѣ, къ которому обращается съ мольбою Ярославна, и то просто говорится: «Свѣтлое и тресвѣтлое *сълныце!*» Если же тутъ автору понадобилась, скажемъ, риторическая фигура, то она вышла не очень замысловата, не особенно картинна. Но допустимъ даже, что тутъ риторическая фигура, но она все же не уничтожаетъ нашей гипотезы: тогда только получается то, что авторъ изъ двухъ географическихъ именъ — рѣки *Куръ* и города *Каршій*, сразу выкроилъ риторическую фигуру въ видѣ двухъ каламбуровъ, превративъ имя рѣки въ созвучное названіе пѣтуховъ, а имя города въ божество солнца. Эту единственную развѣ можно сдѣлать уступку мифологическому правовѣрью нашихъ славистовъ. А что авторъ *Слова* имѣлъ вкусъ и къ каламбурамъ, это доказывается наименованіемъ у него князя Олега вмѣсто *Святославича Гориславичемъ*, потому что онъ своими крамолами много принесъ горя и себѣ, и всей русской землѣ ¹⁾. Употребительность такихъ каламбуровъ наблюдается и въ лѣтописи, гдѣ Святополкъ перелицованъ въ *Поганополка*. А особенности ими богато «Моленіе Данила Заточника».

При этой конъектурѣ получается такой выводъ, что искомый *Кърчевъ*, *Корчева*, *Хорсз*, *Каршій* и въ концѣ концовъ *Керчь* тамъ всегда и былъ, гдѣ теперь находится *Керчь*, только сперва подъ своимъ исконнымъ греческимъ именемъ Пантикапеонъ, а потомъ перелицованный турецкими народами, постоянно около него и черезъ него взадъ и впередъ сновавшими, въ *Каршій*, которое въ русскомъ произношеніи получило не очень далекую отъ него форму *Кърчевъ*. А Тмутаракань искони и до временъ *Слова о полку Игоревѣ* была какою-то, для русскихъ по крайней мѣрѣ, отдаленною, невѣдомою землею, областью, простиравшеюся отъ Керченскаго пролива до рѣки Куры, куда русскіе князья съ своими дружинами совершали время отъ времени лихіе набѣги за поживою отъ разныхъ касоговъ, хазарь и т. п.

1) Буслаевъ, Русская хрестоматія. Москва 1870, стр. 98.

дикихъ народцевъ, но никакого города, а тѣмъ паче никакого княжества они тамъ не основывали, потому что въ этомъ имъ не было надобности, да и не представлялось благопріятной возможности пріобрѣтать себѣ какую-либо прочную осѣдлость въ мѣстности, слишкомъ отдаленной отъ коренной Руси, чтобы они могли считать себя прочно тамъ утвердившимися, чего на самомъ дѣлѣ вовсе и не было. Оттого - то этотъ мнимый городъ, или это мнимое княжество Тмутаракань какъ-то вдругъ откуда-то выплыло на поверхность старинной русской дѣйствительности, и скорѣе даже на волнахъ легендарной традиціи, повертѣлось на ней весьма непродолжительное время и потомъ очень скоро опять исчезло изъ той и другой навсегда, оставивъ по себѣ какой-то туманный слѣдъ въ историческомъ воспоминаніи, который задалъ столько головоломной работы ученымъ историкамъ и инымъ изслѣдователямъ и притомъ безъ всякой отрадной для нихъ надежды на то, чтобы изъ этихъ поисковъ ихъ когда-нибудь получилось что-либо опредѣленное и утѣшительное.

Петроградъ. Декабрь 1921 года.

† В. Смирновъ.